АЗБУКА ВЕРЫ

Ахиллеос Савва, архимандрит

**Я видел Благодатный огонь - архим.
Савва Ахиллеос**

Художественная литература 2020

Я видел Благодатный огонь - архим. Савва Ахиллеос

Ахиллеос Савва, архимандрит

Оглавление

[Вместо предисловия к тринадцатому изданию](#)

[Пролог](#)

[Встреча со старцем](#)

[Годы молодости](#)

[Обет](#)

[Колдунья](#)

[Чудесное спасение](#)

[Неожиданные встречи](#)

[В Хайфе](#)

[Иерусалим, Град Божий](#)

[В Храме Воскресения Господня](#)

[Страж Гроба Господня](#)

[Старец отец Анатолий](#)

[Чудо, повторяющееся в веках](#)

[Безрадостная Пасха](#)

[Дерзновенный план](#)

[Случай с лампадой](#)

[Хитроумная подготовка](#)

[Я видел Благодатный Огонь](#)

[Угрызения совести](#)

[Попытка повторения](#)

[Еще один Фома](#)

[На страже Святых Мест](#)

[Новомученик](#)

[Свидетельства о Благодатном Огне](#)

[Эпилог](#)

*"Ныне вся исполнишася света,
Небо же и земля и преисподняя.
Да празднует убо вся тварь
восстание Христово,
в Нем же утверждаемся"*

(Из Пасхального Канона)

Вместо предисловия к тринадцатому изданию

Предыдущие издания книги, которую вы держите в руках, разошлись за короткий срок, и к нам со всей Греции поступали многочисленные просьбы наших читателей о ее переиздании. Очевидно, содержание ее взволновало многих благочестивых читателей. Хотя тема эта давно всем знакома, однако у большинства нет должного представления о природе Благодатного

огня, о том, что же на самом деле происходит в Великую Субботу на Св. Живоносном Гробе Господнем. Приступая к переизданию книги, мы руководствовались удовлетворением духовной жажды читателей, имея ввиду укрепление их веры. Кроме того, нам хотелось, чтобы наши православные христиане имели хотя бы некоторое представление о той великой борьбе, которую ежедневно ведут члены Святогробского братства, сохраняя для православного мира Святые Места. Надеемся также, что по прочтении книги у многих появится горячее желание самим совершить паломничество в Святую Землю.

Пролог

Явление Благодатного Огня на Гробе Господнем не перестает привлекать к себе внимания множества людей. Время от времени в печати появляются различные материалы, посвященные этому событию, остающемуся для большинства неразрешимой загадкой. Природа Благодатного Огня сверхъестественна, и как всякое сверхъестественное явление продолжает оставаться для ограниченного человеческого ума тайною, воспринимаемую лишь верою, а не разумом. В 1952 году я впервые сподобился, по милости Господа, поклониться Святым Местам, исхоженным Его пречистыми стопами. В то время в Храме Воскресения производились реставрационные работы, и он весь был заставлен строительными лесами. Казалось, что железные конструкции как бы поддерживали это здание древней византийской эпохи, особенно в главной его части, там, где обычно совершается Богослужение и Последование Св. Страстей, так что уже не было возможности не только наслаждаться величественным внутренним видом храма, но и участвовать в службах Страстной Седмицы. Желая увидеть схождение Благодатного Огня, я, ускользнув от бдительных взоров полицейской охраны, взобрался на толстые, пыльные балки помоста реставраторов...

С тех пор прошло много лет. Но навсегда запечатлелось в моей душе совершаемое раз в году скорбно-торжественное Богослужение Великой Субботы и явление Благодатного Огня после его окончания. Однако, я нигде не мог найти такого человека, который бы дал мне ясный, не оставляющий сомнений ответ на вопросы, возникшие во мне при виде такого чуда. Какова природа таинственного Огня? В чем суть службы, совершаемой ради сошествия Благодатного Огня? Кто и как получает и раздает Огонь? Эти и многие другие вопросы теснились в моей душе, не находя ответа.

На Страстной Седмице 1980 года я в четвертый раз совершал паломничество на Святую Землю, где вновь стал свидетелем великого и таинственного явления Благодатного Огня. Там, у Гроба Господня, я удостоился встречи с великим старцем, открывшим мне тайну веков. Его звали о. Митрофан. Рассказ этого старца разрешил, наконец, все мои сомнения и дал ответ на мучившие меня вопросы. Повествование о. Митрофана и легло в основу этой книги. Обращаюсь к благочестивым читателям со смиренной просьбой молиться об о. Митрофане и об авторе данной книги.

Архимандрит Савва Ахиллеос

Встреча со старцем

В день свободный от паломнических поездок мы бродили по старому городу. Несколько человек из нашей группы пошли к Живоносному Гробу. Мы не должны были никуда спешить и поэтому могли спокойно предаться созерцанию Святых Страстей нашего Господа Иисуса Христа. Пред нашим внутренним взором проходили страшные картины Его Распятия, Погребения и Воскресения. Обычно народ приходит группами рано утром, чтобы поклониться Гробу Господню, но в этот день никого еще не было.

У входа в Кувуклию мы увидели благолепного старца, поразившего нас своим видом. Седобородый, с такими же седыми, совершенной белизны, волосами и по-детски живыми глазами, он напоминал одновременно одного из старцев Апокалипсиса и ученика Христа, вышедшего из простого народа галилейских крестьян и рыбаков. Старец стоял у Гроба, словно поджидая нас - первых паломников, пришедших поклониться Св. Гробу. Он заметил нас еще издали, и сразу распознал в нас православных греков, прибывших из Эллады. Когда мы подошли, он воскликнул: - Вы прибыли с нашей Родины-Матери, из Греции! Из свободной и православной страны! Добро пожаловать! Достойным да будет ваше паломничество в Святую Землю, дети мои, и да сподобит вас Христос всегда приезжать сюда, дабы поклоняться Его Пресвятому Гробу.

Звали старца отец Митрофан. В то время ему исполнился восемьдесят один год. В его внешнем облике видны черты подлинного аскета. Несмотря на пожилой возраст, его лицо выглядело совсем молодым. Оно было озарено каким-то дивным, чудным, внутренним светом, словно Благодать Божия, исходящая от Св. Гроба Господня, пронизывала все его существо. Этот подвижник Божий беззлобен, кроток и тих, словом, является таким, каким надлежит быть верному воину Христову, посвятившему себя кроткому Иисусу. Исполняя послушание хранителя Св. Гроба в течение пятидесяти семи лет, - случай небывалый в истории Святогробского Братства, - он незаметно совершал великий подвиг, молясь на Святом месте, которое так дорого душе каждого христианина. Всегда верный своему монашескому долгу, сей добрый страж стоял у "пустого" Гроба, из которого Господь вышел по воскресении, сохранив его для нас, как вещественную память об этом событии, ставшем краеугольным камнем Православной веры.

С нами говорил он так, словно мы были его давними знакомыми. Простая, сердечная беседа незаметно перешла в повесть о его жизни. Мы слушали, затаив дыхание. Не спеша, переходил он от одного события к другому в своем бесхитростном, но потрясающем душу рассказе, напряжение которого только возрастало по мере повествования. Речь его была то тихой и плавной, то взволнованной и бегущей вперед, особенно под конец рассказа, когда он поведал нам о тех откровениях и видениях, которых он был удостоен милостью Воскресшего Господа. Он был взволнован, было видно, что он как бы заново переживал все невзгоды, выпавшие на его долю, всю ту борьбу, которую пришлось вести ему в скорбной и многотрудной жизни. От сопереживаний у нас выступали слезы на глазах, в особо страшные моменты мурашки бегали по телу, а по лицу струился холодный пот. Временами старец умолкал, тогда мы в нетерпении обращались к нему: "Отче святой, что же было дальше?" И он снова начинал говорить о потрясающих событиях своей жизни.

Годы молодости

В миру о. Митрофана звали Мильтиадисом Папаиоанну. Родился он в 1900 году. Родители его были благочестивыми людьми родом из деревни Пуландзаки, находящейся в известном районе Малой Азии, так называемом Керасунда. С этого и начал свой рассказ старец. В дни моей юности началось великое гонение на православных со стороны турок. Они беспощадно вырезали незащищенное население. Женщины, дети, люди пожилого возраста подвергались жестокому истреблению со стороны варваров. В те годы погибли тысячи греческих семейств, мало кому удалось спастись бегством. Многие районы были полны беженцев, почти все они скончались от мук, не выдержав тяжких условий скитальческой жизни, и присоединились к бесчисленному сонму мучеников за веру. Те, кому не удалось бежать, были схвачены и брошены в тюрьмы, где их подвергали жестоким мукам.

Эта же участь постигла и мою семью: родители, братья и сестры были убиты, совершив свой

мученический подвиг за веру и отечество. До сих пор я скорблю о том, что не мог в те дни увидеть их страдальческие лица, услышать из уст их последние слова. В то время я находился в плену среди живых мучеников. Нас долго держали в неволе, после чего было отдано распоряжение отправить всех в Курдистан.

Тогда для меня и начался долгий путь рабства, смертельных опасностей и отчаянной ежедневной борьбы за жизнь. Курдистан находится на далеком расстоянии от Керасунды, и путь, который мы прошли пешком за два долгих месяца, был поистине каким-то адом. Нас зверски избивали кнутами и влекли по дорогам, усыпанным острыми камнями, пока, наконец, не пригнали на место ссылки. Мало кто из осужденных добрался живым, большинство умерло в дороге от мучений и голода. Тех же, кто чудом выжил, ожидала медленная смерть в лагере. Добыча медной руды уносила остатки сил и жизни этих людей. Брошенные на произвол судьбы, эти живые мертвецы кололи тяжкими молотами камни в каменоломнях. Я тоже был близок к смерти, но Господь уготовал мне нечто иное. Его Отеческая забота и любовь пощадили меня.

Район, куда нас сослали, с его ужасными турецкими тюрьмами находился, недалеко от Дер-Пекира. Здесь жили поработанные турками православные христиане. Их было немного. Греческая христианская община состояла из нескольких семейств и одного священника. Когда я узнал о том, что православная церковь находится поблизости, то попросил дать мне разрешение посетить храм. Слава Богу, лагерное начальство позволило мне это, и я немедленно побежал в храм, где исповедывался и причастился Святых Христовых Таин. Я почувствовал себя таким счастливым, что, несмотря на все мои скорби и печали, я ощущал себя на небе. В тот день я буквально плавал в море духовной благодати, и, находясь под впечатлением сей необъяснимой, неземной благодати, дал Богу обет.

Обет

Старец немного помолчал, затем поднял голову, и мы увидели, что глаза его были полны слез.

- Что же было после этого, отче?

И о. Митрофан после тяжелого вздоха, который вырвался из его груди, продолжал.

- Выйдя в тот день из церкви, я сказал: Боже мой, помоги мне избежать из рук агарян, и я буду служить Тебе на той Святой Земле, которую Ты освятил Твоим присутствием, на той Земле, по которой ходили Твои Божественные стопы. Помогите мне стать Твоим рабом. Я стану слугой святых отцов-аскетов, которые охраняют Святые Места, как только освобожусь от этого варварского и бесчеловечного ига рабства. Господи, я буду смиренно служить, куда бы ни назначили меня св. отцы-аскеты, подвизающиеся на Святых Местах. Я пребуду там, Господи, где присутствует Твоя благодать, пусть я буду совершать самую последнюю работу, которую им угодно будет возложить на меня.

Когда я произнес эти слова, я вдруг почувствовал в себе какую-то сверхъестественную радость и покой. Невидимая рука ласкала мое лицо. Тяжесть, которая меня давила по причине моего рабства, исчезла, я вдруг почувствовал, что ноги мои будто уже не касаются земли, а летают по воздуху. Глаза мои были полны слез от охватившего меня волнения, и я даже не видел, куда шел. В моем воображении рисовался теперь уже иной мир. Это был мир духовный, мир святых, прославленных и благословенных Богом людей. Я не ощущал теперь ни моего рабства, ни варваров, мучивших нас, ни несчастий, ни лишений сна, ни всех тех всевозможных ужасов и унижений, которым я подвергался. Все это вдруг исчезло. Теперь я видел лишь Святые Места, те Места, где родился и где был распят Христос.

И все же, несмотря на то, что пребывал я в такой таинственной, благодатной атмосфере, другой мир - мир человеческий - заявлял о своем присутствии. В такие минуты из груди моей, из глубин моего внутреннего существа вырывался тяжелый вздох, и из уст моих слышалось какое-то безнадежное "Верую". Было такое чувство, что кто-то мне мстит, обрезая крылья моей души, словно желая пригвоздить меня рабством к этой чужой земле. Пред моими очами неизменно, как в быстрой киноленте, проносились картины войны, опасности, дикой, бесчеловечной резни. Мне представлялось также неизвестным мое будущее. Это "завтра" с его безответными вопросами мучило меня. Какая-то странная, упорная борьба происходила во мне. Словно кто-то старался задушить, стереть те небесные чувства, которые вызывали радостный трепет в моей душе.

Колдунья

Воспоминания уносили отца Митрофана в дни его юности, в далекое прошлое со всеми его ужасами и беспощадными ударами судьбы, которые глубоко врезались в душу. В то же время, открывая свое сердце, как бы исповедуясь на людях, он получал от этого утешение и успокоение для своей души, даже испытывал радость оттого, что может сейчас засвидетельствовать силу и любовь Божию, поддерживающие его в скорбях и страданиях. Он поднял свое лицо, и, посмотрев нам в глаза, продолжал: - Возвращаясь в лагерь после посещения храма, терзаемый внутренними, противоречивыми мыслями, я вдруг увидел женщину. Она держала в руке какой-то предмет. Это был платок, и, держа его высоко, так чтобы он был виден прохожим, она сильно размахивала им по ветру, то вправо, то влево. При этом она что-то выкрикивала на турецком языке, но издали невозможно было разобрать ее слов. По мере того, как она приближалась, я смог различить черты ее лица. Оно было каким-то ужасным, черным и зловещим. Губы были опухшими, а изо рта торчали редкие острые зубы, похожие на клыки разъяренного слона. Глаза ее горели жутким огнем, создавалось впечатление, будто это были не глаза, а какой-то огненный, раскаленный железный предмет, только что вынутый из раскаленной печи. Весь ее внешний облик напоминал исчадие ада. Будто, в самом деле, это был демон, преобразившийся в женщину. При этом она громко трубила о своих способностях. "Фалтдзи (чародейка), Фалтдзи! Предсказываю будущее! Предсказываю будущее!" И при каждом нервном и диком движении ее тела раздавался звон колокольчика, который она держала в левой руке.

Услышав, что она предсказывает будущее, во мне появилось сильное желание разрешить мои сомнения. Меня волновал вопрос: когда наступит конец этой бессмысленной войне? Наконец-то представился случай, подумал я, и сейчас может быть прольется свет на неизвестное будущее моей жизни. Я, конечно, понимал, что эта чародейка жила обманом, что она просто дурачила людей, пользуясь их доверием. Как случилось, что я попал в ее сети? Что меня повлекло в этой одержимой бесом женщине? Я чувствовал, будто некая невидимая рука толкала меня к ней. Держась на расстоянии нескольких шагов от нее, я спросил:

- Когда кончится эта война? Когда? Отвечай мне, скажи, сколько ты за это хочешь? При этом вопросе лицо колдуньи вдруг начало дрожать. Какой-то зловещий, мрачный мир, еще более злой, чем прежде, отразился в ее облике и привел ее в состояние страшной злобы и раздражения. Казалось, что глаза ее выскочат из орбит. Лицо ее стало сине-чернильным. Редкие зубы торчали изо рта, и язык ведьмы пытался произнести какие-то слова. Она начала мне говорить о фактах, которые она могла узнать только с помощью лукавого духа. - Какой ты красивый паренек, какой красивый! Светится твое лицо, - прокричала она по-турецки. Потом я вдруг услышал слова на ломаном греческом языке: "ты причастился, ты - псаломщик".

Демон магии, живший в этой колдунье, не мог приблизиться ко мне, он был бессилен, потому

что в этот день я причастился Тела и Крови Христовой, и, возвращаясь в лагерь, я пел Богу молитвы, ибо пение псалмов было утешением моей души. Псалмы всегда укрепляли меня в минуты тяжелых испытаний. Итак, какое быть может отношение между светом и тьмою? Между Богом и демоном? Вероятно поэтому одержимая бесом колдунья прогоняла меня своими страшными криками, ибо демон не мог выдержать Огня Божества, который был во мне после Св. Причастия, и Благодать Божия охраняла меня. Я сделал несколько шагов назад, пытаюсь отдалиться от этой грязной женщины, когда же она подошла ко мне близко, то ощутил, что от нее исходил ужаснейший запах. В страхе удаляясь от нее, я успел задать еще один вопрос:

- Откуда ты все это знаешь?

Но вопрос мой заглох, потерялся среди рычаний, исходивших из уст ведьмы, исчез, как исчезает звук маленького камешка, брошенного в волны моря. Я помню только, как она обернулась и злобно сказала:

- У тебя нет здесь родины. Уезжай подальше... Уходи отсюда, уезжай отсюда подальше... Некто Великий тебя ждет... Псалтирь не бросай никогда, пой... никогда его не бросай ... никогда... никогда... никогда. Эти настойчиво повторяющиеся слова "никогда" были едва слышны. Звуки слов ее исчезли, как исчезают голоса тонущих на корабле людей. Ее рот сошел с его обычного места, заполнился пеною, и она вся дрожала, одержимая своими злыми чувствами.

Страх охватил все мое существо. Внутри меня снова и снова звучали ее слова: " У тебя нет здесь родины. Уезжай подальше... Некто Великий тебя ждет... Псалтирь не бросай никогда...никогда... никогда... ". "Боже мой, - думал я, - кто открыл ей это, кто велел передать мне эти слова? Помоги мне, Боже!". Погруженный в свои мысли, добрал я до лагеря, и опять ежедневная моя работа пошла своим чередом.

Чудесное спасение

- С того самого дня, когда я повстречался с колдуньей, - продолжал свой рассказ старец, - во мне родилось страстное желание - во что бы то ни стало убежать оттуда, стать, наконец, свободным.

Но удастся ли мне осуществить план бегства? Вокруг неизвестные места. Где я окажусь? Из немногих уроков географии, которые теперь воскресали в моей памяти, я знал, что Курдистан граничит с Сирией. А затем Ливан, далее - Палестина. Границы следуют одна за другой. Но самая большая трудность заключалась в другом. У меня не было паспорта, и где мне было его взять? Ведь рано или поздно меня арестуют, думал я. Что со мной будет? Неминуемо я стану беженцем или пленным, то есть тем, кем являюсь теперь. И где бы меня ни поймали, я везде буду либо пленником, либо беженцем.

Все же лучше, повторял я про себя, попасть в чьи угодно руки, лишь бы не находиться в руках турок. Если меня поймут, я расскажу всю правду о себе, о своей жизни, о своей боли, о борьбе, о турецкой резне. И Бог просветит тех, кто встретится мне на моем пути. Я расскажу о моей заветной цели и о том, куда стремлюсь, расскажу о моем желании и об обете, данном мною Богу. И верю, что Бог просветит их. Бог. Только Бог... Итак, самые противоречивые мысли роились в моей голове, когда я обдумывал план моего бегства. Я запасал хлеб, наблюдал за солнцем, чтобы правильно определить, в каком направлении мне следует идти. Однажды вечером, когда стемнело, и сторожа не оказалось на обычном месте, а я был уверен, что никто за мной не следит, я ускользнул из лагеря.

Первую ночь провел я в страшной борьбе. Мне пришлось бежать, как бежит лань,

преследуемая охотником. Мною владел дикий, животный страх. Я боялся, что турки заметят мое отсутствие и пошлют за мною погоню, и их солдатам нетрудно будет, обследовав местность, найти меня. Воспаленное воображение рисовало ужасные картины погони. Повсюду мне слышались чьи-то голоса, казалось, что вокруг стоит невообразимый шум. Мне мерещилось, что солдаты догоняют меня, арестовывают и в наручниках ведут обратно в лагерь.

Наконец я дождался восхода солнца, а день я встретил уже возле сирийской границы. Однако нервное напряжение не прекращалось, и я не чувствовал усталости. Мне, конечно, помогал мой юный возраст. Ведь тогда мне было 23 года, и я старался не обращать внимания на опасности и трудности. Несмотря на все злоключения, у меня еще оставались силы, я должен был многое выдержать. Приняв все меры предосторожности, я перешел сирийскую границу и, оставшись незамеченным пограничниками, продолжал идти дальше.

Я должен был идти по горам и долинам, вынужден был скрываться при виде встречавшихся на моем пути людей. Шел я непрерывно, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Когда мое слабое тело отказывалось мне служить из-за чрезмерной усталости, я растягивался прямо на земле в любом месте: на горе, на равнине, в пещере, в лесу или у речки. Немного отдохнув, я с новыми силами продолжал свой путь. Поднимаясь с горы на гору, впереди я увидел город Халеппи. Он занимал довольно большое пространство и был густо заселен. Когда я понял, что смогу остаться незамеченным, то решил спуститься вниз и вошел в город при заходе солнца. Я понял, что меня могли принять за местного пастуха. Постепенно мои страхи исчезли, и я спокойно прошел по городу. Не привлекая ничьих любопытных взоров, наполнив свой сосуд водой, я незаметно вышел из города и снова стал подниматься в горы.

Долго шел я по извилистым горным тропинкам, спускался в долины, пересекал горные речки и ручейки. Можно сказать, что я не шел, а бежал, не останавливаясь, чтобы поскорее добраться до того места, куда так стремилась моя душа. Теперь во мне не было ни страха, ни робости, ибо я ощущал, что со мною рядом присутствует Невидимый Друг, который руководит мною. Не было больше ни чувства покинутости, ни одиночества.

Следующий город на моем пути был Бейрут. Спокойно перешел я еще раз границу - между Сирией и Ливаном - и двинулся дальше. Через некоторое время я оказался в Бейруте. Пройдя через весь город, я направился к пристани. Я увидел, что на некоторых кораблях развевались греческие флаги, и услышал греческую речь. Мать-Эллада отправила тогда свои корабли в Бейрут, чтобы доставить на Родину своих детей, избежавших резни от рук варваров. Она забирала их в свободное отечество. Внутри меня послышался голос, говоривший: "Вот представился случай. Смотри, не упусти его. Как все возвращаются в Элладу, так вернись и ты. У тебя нет паспорта. Зачем тебе Святая Земля? Забудь о своем обете. Не потеряй эту возможность..."

Забудь о том, что я обещал Богу? "Нет, - сказал я твердо. - Я не поддаюсь искушению и продолжу свой путь". И я продолжил идти к намеченной цели. Самой большой проблемой, не дававшей мне покоя, был паспорт. Однако до сих пор еще никто ни разу не остановил меня и не задал ни единого вопроса. Невидимая рука хранила меня. Не останавливаясь, я продолжал идти, пересекая горы и долины, реки и леса. Спал обычно на голой земле, в пещерах или в таких местах, которые могли служить убежищем. Через несколько дней я увидел город Сидон, но не стал заходить в него, а пошел еще дальше, пока не добрался до приморского города Тира.

Глядя на него, я стал вспоминать всю земную жизнь Христа. В этих местах бывал наш Господь со Своими учениками, тогда местные жители поклонялись идолам, а в городах были идольские жертвенники. И когда Господь проходил здесь, подошла к Нему женщина Хананеянка - идолопоклонница. Она припала к ногам Сладчайшего Учителя, умоляя Его об исцелении своей

дочери, одержимой бесом. Побеседовав с нею. Господь увидел веру этой женщины и сказал: "О жено, велия вера твоя! Будь тебе, якоже хочещи (Мф. 15, 21-28).

Неожиданные встречи

Эта дивная Евангельская история, - продолжал свои воспоминаниями о. Митрофан, - окрылила меня, измученного и уставшего от трудного пути. Я ощутил в себе такой прилив сил, как будто только что пустился в это опасное бегство, и помолившись, сказал, обращаясь к самому себе: "Еще немного осталось тебе помучиться, держись, не сдавайся, наберись мужества, уже не далек тот час, когда ты сможешь исполнить данный Богу обет. Скоро наступит конец твоим страданиям".

Я старался избегать встреч с людьми и поэтому держался в стороне от больших дорог. Мне так хотелось пребывать в одиночестве, чтобы иметь возможность петь и молиться Богу, ибо молитва прогоняла от меня всякую усталость. Шагая по горным тропинкам, я не переставал петь слова псалма: "Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси", и эти чудные слова вливали новые силы в душу мою и несказанно радовали и утешали ее. Вдруг на одном из поворотов горной тропы я столкнулся лицом к лицу со встречным человеком. Не успев принять никаких мер предосторожности, я буквально оторопел от такой неожиданности. Но деться было некуда, я остановился перед ним, насторожено глядя ему в глаза. Во мне стало подниматься забытое уже чувство животного страха. Вновь я почувствовал себя затравленным зверем, которого вот-вот должны убить. Этот страх приковал меня к земле, так что я не мог сдвинуться с места, не то, что бежать.

Заметив мою растерянность, незнакомец начал бесцеремонно разглядывать меня, не задавая при этом никаких вопросов. Каждый из нас ждал, что другой первым начнет разговор. И мне вдруг очень захотелось сказать ему что-нибудь, однако я недоумевал, с чего начать этот разговор, на каком языке к нему обратиться, чтобы поприветствовать? Долго ли я простоял пред ним, как вкопанный, теперь уж не помню. Я обдумывал и сомневался, как же мне следует вести себя в создавшейся ситуации. Наконец, я все же обратился к нему со словами приветия на турецком языке, всячески стараясь при этом сохранять хладнокровие. И тут я услышал, как незнакомец, отвечая на приветствие, также обратился ко мне на турецком диалекте.

В этот момент, не смотря на страх, я почувствовал радость оттого, что могу понять этого человека, но из чувства самосохранения, я упал перед незнакомцем на колени и, припав к его ногам, стал их целовать умоляя:

- Не выдавай меня... Не выдавай...

- Кто ты такой? - спросил он.

- Я беженец из Турции. Турки убили моих родителей и братьев, убили всех моих родных, от этой ужасной резни спасся только я один. Затем я оказался в плену. Я убежал из турецкого лагеря и едва остался в живых. Убежал, чтобы спастись. Я хочу попасть в Святую Землю, в Иерусалим. Я поставил пред собой одну лишь эту цель.

Незнакомец, услышав мой рассказ, вдруг начал горько плакать. И тихим голосом стал рассказывать о своей собственной жизни.

- Я армянин и пережил дикую резню, какую и представить себе немыслимо в нашем так называемом "цивилизованном мире". Я сам был свидетелем того, с какой звериной жестокостью проявлялась дикая мания турецких варваров, я не только видел, но и испытал их

преследования. То о чем ты мне сейчас рассказал, мне очень хорошо известно. Не бойся. Чем только смогу, я постараюсь тебе помочь. Радость мою невозможно описать после того, как я услышал эти слова из уст незнакомца. Усталость предыдущих дней, проведенных мною в пути, мгновенно как рукой сняло. Теперь я имел возможность поговорить на знакомом языке и не сомневался, что Сам Всеблагий Бог привел меня сюда, что не случайно повстречался мне человек, которому я доверился. Я спросил его, в каком направлении мне следует идти дальше? На это он ответил:

- Если бы ты со мной не повстречался, то неизвестно чем бы закончилось твое путешествие. Скорее всего, ты попался бы пограничникам, а они ведь не шутят, не занимаются расследованием, и подозрительных лиц расстреливают на месте. Он поднял правую руку и, указав мне на очень высокую и крутую гору, которая виднелась на противоположной стороне, сказал:

- Поднимись туда, дитя мое. Затем спустись вниз и дойдешь до Элма. Это деревня, где живут курды и латиняне. Постарайся не встретиться с полицией. Да хранит тебя Господь!

Услышав эти слова, я поднял глаза к небу и, поблагодарив Господа, произнес: "Стопы моя направи до конца, Господи... стопы моя направи. Не остави меня одного до конца. Сохрани меня, Господи и Сам веди меня..."

Я тепло поблагодарил его, и, простившись, двинулся вперед, взбираясь на указанную крутую гору. Целый день взбирался я на нее, но эта гора спасла меня от возможной встречи с пограничниками. С противоположной ее стороны простиралась бесконечная равнина, в глубине которой можно было различить ту самую деревушку, о которой говорил армянин. Благополучно миновав Элму, шел я еще три дня и три ночи. Эти постоянные подъемы вверх и спуски вниз привели к тому, что ботинки мои окончательно развалились и стали совсем непригодными. Тогда я пошел босиком, не обращая внимания ни на колючки, ни на острые камни и сучья, которые ранили мои ноги. Ничто не могло остановить меня. В своих кровоточащих ногах я ощущал такую силу, что мне казалось будто я не хожу по земле, а летаю. Моя усталость и душевные муки мгновенно проходили, как только я начинал думать, что я уже совсем близко у цели.

Итак, вдохновляемый и укрепляемый этими мыслями, я пришел, наконец, в Палестину, где, минуя несколько небольших городков, добрался до расположенного на морском побережье города Акры, куда указал мне кратчайший путь армянин. Там я обнаружил и упоминаемую им греческую общину. В ней я надеялся встретить кого-нибудь из соотечественников и рассказать о своих проблемах, услышать добрый совет, который, быть может, облегчит мое пребывание в незнакомом городе. Предвкушая скорую встречу с соотечественниками, я словно забыл о злключениях последних дней и мрачных своих думах, и в таком настроении вошел в город. Еще издали я услышал звон колокола, я так обрадовался и разволновался, что не смог удержать слез, градом хлынувших из моих глаз.

Едва придя в себя от волнения, я заметил, что по противоположной стороне улицы шагал какой-то полицейский, мне показалось, что он вырос из-под земли, ведь до этого на дороге не было никого. От этой неожиданной опасности кровь застыла в моих жилах, колени задрожали, от страха я застыл на месте, простояв в такой нерешительности неопределенное время, я ощутил на себе действие невидимой руки, поддерживавшей и укреплявшей меня, и ко мне стало возвращаться обычное хладнокровие. Тогда я, не обращая больше внимания на полицейского, резко свернул с дороги, и пошел в другом направлении. При этом, мысленно стал произносить краткую молитву: "Сохрани меня, Господи, Боже мой. Сохрани меня от этой трудности".

После этой молитвы я шел дальше уверенней и спокойней. Движения мои были естественны и не выдавали внутреннего волнения. С мешком за спиной и посохом в руках похожий на пастуха, я нигде еще не вызвал подозрения, так что надеялся спастись и на сей раз. Действительно, страж порядка не обратил на меня внимания и спокойно удалился. Таким образом, милость Божия и на сей раз, сохранила меня и отвела неминуемую опасность.

Встреча с полицейским заставила меня изменить маршрут, пришлось выйти из города. Дорога привела меня в небольшое село недалеко от города. Жителей в нем было немного, но мне не хотелось привлекать ничье внимание и я, обойдя жилища, направился в неподалеку лежащую пустынную местность. По пути мне встретилась пересохшая канавка, имевшая форму пещеры, я догадался, что это был загон для домашнего скота. Наступила ночь, и у меня не было уже сил двигаться дальше. От усталости глаза мои слипались, и я решил остаться в этом "убежище", где я был защищен и укрыт от опасности. Хотя вокруг было так тихо и спокойно, словно весь мир замер: ни движения, ни ветерка, только приблизившись вплотную можно было заметить присутствие человека. Я опустил на землю и тут же крепко заснул. Разбудило меня сияющее высоко в небе солнце, лучи которого уже сильно припекали. Возвратиться в Акру я не решился, пришлось отказаться от мысли о греческой общине, о встрече с соотечественниками.

Тогда я решил идти в Хайфу. Заметив направление, побрел я снова по горным, узким тропинкам, стараясь выбирать более короткий путь, ведущий к цели. Хайфа - портовый город, от которого уже не далеко до Иерусалима. Эта мысль придавала мне силы. Весь день шел я по горам и долинам, переходил горные речки, проходил по таким непроходимым местам, где могли бродить лишь козы да овцы. Наконец на закате дня с высокого холма я увидел город Хайфу. Слава Богу, наконец-то я добрался до Святых мест Палестины.

В Хайфе

Я долго рассматривал сверху город и, наконец, заметил купол храма с православным крестом. В душе моей появилось чувство великой благодарности Господу. Я благодарил Бога за все те милости, которые Он даровал мне, и был убежден, что теперь уже недалеко то время, когда смогу исполнить свой обет и всецело предать свою жизнь в руки Божии, чтобы всеми силами души послужить Ему. Ведь все, в конце концов, обернулось к лучшему. Бог просветил меня и позволил сбыться моей заветной мечте. Теперь осталось уже совсем немного, скоро я прибуду туда, куда так жаждет попасть душа моя. С этой радостью в душе я и вошел в город Хайфу. Здесь мне стали попадаться первые высокие дома, расположенные рядом с морем. Море словно узнало о моем прибытии и плеском волн приветствовало меня. Вся природа мне улыбалась, казалось, что она открывала свои объятия навстречу мне - несчастному полумертвому беженцу, совершившему побег из лагеря, едва спасшегося от смертельной опасности.

Проходя вдоль моря, я вдруг оказался перед каким-то высоким, величественным зданием, которое отражалось в закатных водах моря, словно сливаясь с ними. Я подошел к нему поближе и заметил у его входа мраморную табличку с золотыми буквами на трех языках - греческом, английском и арабском: "Гостиница Святого Гроба Господня". Стоило мне увидеть слова: "Гроб Господень", как я пришел в крайнее волнение. Холодные струи пота потекли по всему телу, слезы градом полились по моему усталому лицу. В глазах потемнело, и ничего больше не видя, я внезапно упал, потеряв сознание.

Сколько времени я пробыл без чувств, не знаю, а когда пришел в себя, еще раз стал читать написанные на табличке греческие слова. Убедившись, что это не сон, я начал класть поклоны. Положив сорок поклонов, я встал, прошел несколько шагов и оказался у входа в гостиницу. Изнутри отеля доносился разговор на греческом языке. Я слышал греческие слова... Радость

моя была безмерна, волнение неопишимо. В одну минуту исчезли вдруг из памяти все муки, перенесенные мною во время страшного и опасного побега из лагеря. Теперь я больше не чувствовал ни усталости, ни душевных мук. Все вдруг куда-то ушло. Не было боли в моих израненных ногах. Ни голода, ни жажды я больше не испытывал. Куда девались страхи и бессонные ночи, проведенные мною в пути. Все вдруг исчезло, как только я вошел в здание гостиницы.

Но моя изорванная одежда, выдавала во мне раба, да и весь мой внешний облик выдавал во мне человека, подвергшегося тяжким испытаниям. Навстречу мне вышел человек, похожий на грека, и я поздоровался с ним на греческом языке. Он ответил мне также по-гречески. Когда я услышал звуки родного языка, они зазвучали музыкой в моих ушах, такой сладостной показалась мне родная речь после многих лет скитаний на чужбине.

- Издалека ли ты прибыл, молодой человек, - спросил меня он.

- Из Турции, - ответил я. Мне удалось избежать турецкой резни в Малой Азии, я спасся от смерти. На меня надели наручники и увели в плен. Я был почти полумертвым, когда убежал из лагеря и долго скитался в горах, ходил по горным тропам и долинам, переходил чрез горные реки... и вот, наконец, прибыл сюда, где впервые слышу слова на родном греческом языке. Однако, я собираюсь продолжить свой путь, так как хочу попасть в Св. Град Иерусалим, ибо я дал Богу обет и должен его выполнить.

Человек этот оказался директором отеля, он был сильно взволнован моими словами. Пока мы беседовали, к нам подходили другие работники гостиницы, заинтересованные моим рассказом. Вскоре я уже не чувствовал себя чужаком в кругу этих людей. Они с участием расспрашивали меня о подробностях событий в Малой Азии, так как впервые из уст свидетеля слышали о той страшной резне, которую устроили турки среди православного греческого населения.

В те времена сведения распространялись очень медленно и доходили в искаженном виде, и никто ничего толком не знал о трагедии греков в Малой Азии, об истреблении беззащитных и безоружных людей, о варварских пытках, которым подвергали даже ни в чем неповинных женщин и детей. Очевидно, многие имена этих новых христианских мучеников останутся неизвестными, и новый мартирологий некому будет составлять. Лишь малая часть имен дойдет, возможно, до будущих поколений, но жуткие, потрясающие страхом и ужасом картины, останутся неизгладимыми и не исчезнут из исторической памяти православных греков, ибо в этих сценах воистину запечатлелись библейские слова древних пророков, а преступления варваров не могут и не должны быть забыты.

Я описывал этим людям те сцены, свидетелем которых был сам. Рассказал им о мучениках за веру, о тех, которых я знал, о тех несчастных, попавших в плен к туркам, которых, заковав в железные цепи и всячески издеваясь над ними, турки волокли в лагеря на принудительные работы. 28 октября для меня - незабываемая дата. Это был первый день моего пребывания на свободной территории, где жило свободное греческое население. И все они, когда поближе познакомились со мной, окружили меня неопишимою любовью и нежностью. Они принесли мне новую одежду и обувь. Я впервые после длительного, многодневного побега принял горячую ванну, так что истомленное мое тело снова ожило и задышало. Мне предложили поесть вкусно приготовленную пищу. Наконец, уложили в чистейшую постель, так что я смог хорошо выспаться и дать полный отдых своему истрадавшемуся телу. Океан любви проявили ко мне мои соотечественники! После стольких лет я этого забыть не могу!

Подняв свои заплаканные глаза, о. Митрофан произнес: Боже мой, Ты, удостоивший меня послужить у Твоего Живоносного Гроба, Ты Сам воздай тем людям за оказанное мне тогда

благодаяние и гостеприимство во Царствии Твоем небесном. И, ненадолго прервав свой рассказ, продолжил.

Когда наступил вечер, зазвонил колокол подворья Гроба Господня, приглашая к вечерне. Храм здесь посвящен св. пророку Божьему Илии. Церковь и гостиница принадлежат Святогробскому братству Патриархии. У этого Братства особая, очень важная миссия. Оно обслуживает религиозные и другие нужды православного населения, живущего на Св. Земле.

Когда отзвонил колокол, храм открылся и вскоре заполнился православными греками, проживавшими в этом городе. Началась вечерня. Подошел и я очень робко к аналою, где обычно поют псаломщики, и начал тихо подпевать. Услышав мое робкое пение псалтис, т.е. псаломщик пригласил меня подняться к аналою и попеть вместе с ним. Я поблагодарил его, и когда подошла моя очередь, начал петь. После Вечерни мне передали приглашение зайти к местному Архиепископу, до которого дошел слух о моем появлении. В то время Архиепископом Святогробского Братства в городе Хайфе был Владыка Ккеладиион. Это был муж духовный, который умел сразу разобраться в человеке, впервые им виденном. От него не укрылся ни мой юный возраст, ни религиозный пыл, которым я горел тогда, и он решил удостоить меня своей беседы.

Меня объял страх, когда узнал, что Владыка требует меня к себе, ибо с детства был воспитан в уважении перед клиром церковным, поэтому я страшно волновался. Меня встретил служитель епархиального дома и повел в кабинет к Владыке. Это была первая моя встреча с архиепископом, и я находился, как говорится, между страхом и надеждой. Мы подошли к двери, на которой была красивая табличка с надписью "?????????", т.е. "Приемная Владыки". Когда передо мной открыли дверь, я увидел большой, светлый зал, пол которого был устлан старинными красивыми коврами. Массивные деревянные кресла, украшенные изящной резьбой, стояли вдоль стен. Над ними в тяжелых позолоченных рамах висели портреты почивших в Бозе Иерусалимских Патриархов. У восточной стены возвышался архиепископский трон с образом Благословляющего Спасителя, а рядом помещалась икона Пресвятой Богородицы. Вся обстановка настраивала на особый, не мирской лад и указывала на значительность происходящего здесь. Зал соединялся с небольшим кабинетом, в котором я увидел Владыку Ккеладииона, сидящего в кресле за письменным столом. В этот момент Владыка ласково обратился ко мне со словами:

- Иди сюда, дитя мое. Как тебя зовут? Откуда ты родом? Приблизившись к Владыке, я сделал земной поклон, и поцеловал его благословляющую руку.

- Ты выказываешь чрезмерное смирение перед архиепископом, - сказал Владыка.

На это я ответил:

- На моей несчастной Родине мы всегда воздавали должное уважение архиепископам и всем служителям Алтаря, этому еще в детстве меня приучили мои родители.

- Мне рассказали, что после турецкой резни ты один из всей семьи остался в живых, претерпевал страдания в плену и был близок к смерти, затем бежал, и едва дошел сюда, измучившись от долгого пути, - продолжал Владыка, - но в церкви ты пел красивым ясным голосом, в котором слышалась великая радость. Ты напоминал в этот момент соловья, своим пением прославляющего Творца, ранним утром возносящего хвалебную песнь своему Создателю. Я был взволнован твоим пением и историей твоей жизни и решил принять в ней участие. Вижу, ты воспитан в благочестии, имеешь твердый характер и церковные навыки. Я сделаю тебя своим помощником. Ты можешь всегда рассчитывать на мою отеческую любовь к

тебе. Твои душевные раны со временем заживут, когда ты почувствуешь себя среди родных и близких тебе людей. Я назначу тебе приличное жалование - 6 лир в месяц, на которые ты сможешь нормально прожить и беззаботно петь и служить Богу, Которого ты возлюбил. Так что оставайся у меня.

- Благодарю вас, Владыка, - ответил я, - необыкновенно тронут Вашей отеческой любовью и заботой, но я не рассказал Вам самого главного. Дело в том, что еще до того как я совершил побег из лагеря, я дал Богу обет, который состоит в том, что я обещал посвятить Ему свою жизнь и стать служителем Св. Гроба Господня в Иерусалиме, если Господь сохранит меня на пути. Желание исполнить этот обет провело меня через все опасности. И когда я, умирая от голода и жажды, без отдыха шел ночами по горам, босиком, не чувствуя камней и вонзавшихся в ноги колючек, то силы мне придавала только одна мысль, что я иду в Иерусалим исполнить мой обет. И вот Господь сохранил меня от всех опасностей, и я чудом оказался у ваших ног, и в душе моей звучат слова псалма: "Я прошел сквозь огонь и воду, и Ты извел меня в Твой покой". И теперь я не могу не исполнить мой обет. Теперь я вдвойне должен Богу, Который спас меня и не дал мне умереть от голода. Я бесконечно благодарю вас, Владыка, за то, что Вы, как Ангел встретили меня, но я должен добраться до Св. Града Иерусалима и там исполнить всю волю Божию, даже умереть, если так будет угодно Ему.

Владыка задумался на некоторое время. Видно, что он был взволнован моим рассказом и готовится принять решение. Затем он посмотрел мне прямо в глаза взором полным сострадания и любви, вздохнул и сказал:

- Вижу, что ты не изменишь своего решения. Ладно, я все равно помогу тебе. Ты доберешься до Святого Града, там ведь тоже наша Патриархия, так что ты послужишь ей там с одинаковой пользой. Так ты исполнишь свой обет. Затем он благословил меня и отпустил с миром, попросив помолиться и за него у Св. Гроба Господня.

Иерусалим, Град Божий

Недолго я собирался в путь. Тот же служитель, что познакомил меня с Владыкой, теперь проводил на железнодорожный вокзал, находившийся рядом с Хайфским портом, там он купил мне билет, проводил до вагона и, попрощавшись, ушел. Вскоре поезд тронулся, и вот я уже сижу у окна и как обычный пассажир разглядываю виды Св. Земли. Сначала мы ехали вдоль моря, затем поезд повернул влево, и постепенно мы стали подниматься в гору. Иногда среди холмов встречались редкие арабские деревни, виднелись минареты мечетей. Однажды вдали показался большой монастырь - это был Латрун, а там уже недалеко и до Иерусалима, понял я из разговоров пассажиров. Дорога, на которую я потратил бы несколько дней, заняла считанные часы. Итак, поезд прибыл в Иерусалим.

Навсегда запомнился мне день прибытия во Святый град. Это была среда отдания Пасхи. Я сошел с поезда и ступил на ту землю, по которой ходил Спаситель и Царица Небесная. Вдали я увидел стены Старого Города и пошел по направлению к ним. Перед моим внутренним взором вставали события Евангельской истории. Все то, о чем я думал в тяжелые годы плена, что поддерживало меня в долгом пути к Св. Земле, теперь стало реальностью. Чувства радости и благодарности Богу настолько переполняли мою душу, что я не смог сдержать слез и так подошел к стенам Старого Города.

В первый момент они напомнили мне стены Константинополя, но тут же я почувствовал и различие. Когда я смотрел на стены Царьграда, то мне они казались воспоминанием былого исторического величия славной Византии, но стены Иерусалима - это живые свидетели святости города, где всегда чувствуется невидимое присутствие Самого Господа нашего

Иисуса Христа.

У Яфских ворот я встретил греческого священника, говорившего также и по-арабски, он взялся проводить меня до Патриархии. Когда мы прошли через Яфские ворота, которые называются также вратами Давида, то первое, что я увидел, были остатки величественного дворца этого знаменитого библейского царя. В средние века здесь был большой византийский монастырь, разрушенный турками. Царь Давид построил себе дворец на одном из семи холмов, на которых по преданию расположен Иерусалим. Чтобы добраться до греческой Патриархии, находящейся в центре Старого Города, недалеко от Храма Гроба Господня, надо спускаться по узким улочкам, где можно ходить только пешком. Под одной из тихих улочек, вымощенных большими каменными плитами, мы и пошли в сторону Храма.

Было два часа пополудни, когда с колокольни Храма послышался мощный удар колокола, и над городом поплыл низкий, бархатный мелодичный гул. Я впервые слышал такой сильный величественный звон, и он навсегда связался в моей памяти с тем первым днем моим в Иерусалиме. С тех пор, когда на Великие Праздники я слышу звук этого колокола, мысленно переношусь к тому первому радостному дню, с которого началась моя жизнь во Святом Граде.

В Храме Воскресения Господня

О. Митрофан прервал свой рассказ. Некоторое время он стоял, опустив голову с закрытыми глазами, словно погрузившись в воспоминания событий тех далеких лет, затем стал продолжать. Когда мы подходили уже к Храму, я увидел, что навстречу нам двигалась внушительная процессия, должно быть в ней участвовало все Братство Патриархии. Впереди шли одетые в военную форму в красных фесках с посохами в руках, которыми они стучали о мостовую, похожие на солдат молодые мужчины. Как я узнал позже, они были охраной Патриарха и назывались кавасами. За ними шли послушники в подрясниках и скуфьях, затем монахи в рясах и клобуках, священники в высоких черных камилавках, в окружении иеродиаконов в полном облачении и с кадилами в руках шли уже архиереи, которых было не менее восемнадцати. Вся эта дивная процессия направилась в Храм Воскресения Господня под звуки торжественного колокольного звона.

Я молча пошел вслед за ними и не мог произнести ни слова, а только с восхищением, умилением и восторгом смотрел на эту картину. Мне казалось, что в ту минуту с небес на землю спустились все Небесные Чины Ангелов и Архангелов, дабы прославить Бога. Весь этот священный Ангельский чин направился в Храм, чтобы служить Вечерню. Невольно последовал вслед за ними и я, и даже не заметил, как оказался в Храме Воскресения. Мне захотелось поскорее увидеть, где находится Святой Гроб Господень, и я решил спросить об этом, стоявшего впереди меня, почтенного вида старца, которого как я услышал, звали отец Артемий.

- Батюшка, спросил я его, скажи мне, где находится Гроб Христов?

- Здесь, дитя мое, ответил Старец. И правой рукой он указал мне на величественную Кувуклию.

С чувствами благоговения и страха, положив земной поклон и в таком положении не распрямляясь, прошел я сквозь низкий вход в переднюю часть Кувуклии, называемую приделом Ангела. Посреди этого небольшого помещения на мраморном столе, в стеклянном кивоте лежал камень, перед которым я остановился в удивлении. Рядом находившийся монах поймал мой недоуменный взгляд и шепотом сказал, что здесь кусок того самого камня, которым Иосиф Аримафейский закрыл гроб с телом Иисуса, а жены-мироносицы видели Ангела Господня, отвалившего камень от двери Гроба и сидевшего на нем. Впоследствии

камень был раздроблен на мелкие частички, которые брали себе на память цари, князья, воеводы, великие мира сего и простой народ. Здесь сохраняется малая часть того священного камня, которая во время Божественной Литургии является Св. Престолом. Над ним ты видишь красивые золотые лампы, - продолжал свое объяснение служащий монах, - пять из них, за которыми мы постоянно следим и зажигаем, принадлежат православным, еще пять - католиками, четыре - армянам и одна принадлежит коптской египетской церкви. Стоя в приделе Ангела, я заметил над входом ко Гробу надпись, выгравированную на мраморной табличке: "Что ищете живаго с мертвыми? Восста несть zde. Се место идеже положили Его". Это были слова, с которыми Ангел обратился к женам Мироносицам в святую ночь Воскресения. И для меня тогда они прозвучали так сильно и неотразимо, словно тот же Ангел явился и мне, указав место, на котором Иосиф с Никодимом погребли Господа. Не сразу я решился войти туда, такой трепет испытывал перед этой святыней, затем, пригнувшись еще ниже, почти на коленях протиснулся в узкий проход, ведущий к Живоносному Гробу. Вот он - Живоносный Гроб нашего Господа, к которому я так упорно стремился. Припав к нему, я начал благодарить Господа за то, что Он помог мне достигнуть цели моего пути, за победу в борьбе которую я вел ради исполнения своего обета. Итак, положив руки на крышку Гроба, я орошал его слезами. Это и была моя большая благодарность Тому, Кто привел меня сюда. Вдоволь наплакавшись, я приподнялся с колен и медленно, лицом ко Гробу выбрался из Кувуклии.

Снаружи меня дождался отец Арсений. В это время в Храме было уже довольно много народу, собравшегося в ожидании Вечерни. Мне захотелось поскорее поклониться Голгофе, и я попросил о. Артемия показать мне то страшное место, где был распят Христос. Мы прошли сквозь толпу и оказались возле узкой мраморной лестницы, круто поднимавшейся вверх. Старец остался внизу, а я быстро поднялся по ступенькам вверх. Первое, что я увидел, - были камни Голгофы, над ними возвышалось Распятие. Я приблизился к Распятому Христу и опустился на колени. Не помню, сколько времени простоял я так, изредка поднимая глаза к Пречистому Лику Спасителя. Глава Его склонилась вправо, в ту сторону, откуда взирала на Него Пресвятая Дева. Тогда на Голгофе я испытал насколько было в моих силах, боль Пресвятой Девы, боль возлюбленного ученика господа - Иоанна и боль Самого Агнца, которую Он претерпел ради спасения человечества.

Придя в себя, я подошел поближе к Распятию, чтобы приложиться к нему, и ощутил какой-то дивный, тонкий, сверхъестественный аромат. Этот удивительный аромат всегда исходит от Распятия, свидетельствуя и прославляя Крестную Жертву Христа, ибо от сей Голгофской Жертвы Спасителя мира проистекают благодатные дары Божии человеку. Там, на Страшной Голгофе, паломник переносится в иные миры, там он поистине возносится к небесам.

Тронутый до глубин всего моего существа, я поблагодарил Господа, сподобившего меня поклониться месту, где Он благоволил принять Крестную смерть ради нашего спасения, и ушел с Голгофы преисполненный чувствами смирения, страха и ужаса. Между тем внизу в Храме Воскресения шла Вечерня, пели стихиры на "Господи возвах". Я подошел к аналою псаломщика и начал тихим голосом ему подпевать. Не забуду, с каким волнением я пел тогда песнопения, которые обычно поются на Вечерне в нашей православной церкви. Это "Господи возвах..." осталось и по сей день в памяти сердца моего, и оно всегда как бы заново воскресает в душе моей, когда я мысленно переношусь в тот незабываемый день.

Когда Вечерня закончилась, представился случай познакомиться с хором иеропсалтов, т.е. псаломщиков, был я тогда молод и полон желанием и полон желанием быть полезным. Вскоре все ушли. Оставшись почти один в опустевшем Храме, я с любопытством продолжал его разглядывать, и никак не мог вдоволь насладиться его величием и красотой. Помню, как подошел ко мне некий старец, имевший вид подвижника. Внешний его вид выдавал в нем человека, который вел подвижническую жизнь. Его тело, скрывавшееся под складками рясы,

казалось истонченным суровыми подвигами. Весь его внешний облик сразу располагал к себе, невольно вызывая чувство уважения. Очевидно, от чрезмерных подвигов он походил скорее на тень, нежели на живого человека. Это был ризничий Святого Гроба, звали его отец Герасим. Он хранил все самое святое, священное и ценное, чем только обладала Иерусалимская Патриархия. От древних облачений до византийских Священных Сосудов. Послушание, которое несет ризничий Гроба Господня, весьма почетно, и ответственность за сохранность всех Святынь велика. Отец Герасим начал беседовать со мной. Я вкратце рассказал ему всю мою историю и раскрыл перед ним всю мою душу, объяснив, к чему я так страстно стремлюсь. Не скрыл и того, что дал обет Богу послужить у Гроба Господня.

Когда наша беседа закончилась, я поклонился в ноги святому старцу и, поцеловав его руку, сказал:

- Отче святой, я хочу попросить Вас об одной милости, могу ли я исповедываться у Вас?

О. Герасим был внимателен к моей просьбе и с большой любовью принял меня в тот же день. Это была моя первая исповедь на Святой Земле. Когда она закончилась о. Герасим спросил меня:

- Желает ли ты, чадо мое, остаться со мной?

- От всей души желаю сего, отче святой, сказал я в ответ, я буду исполнять все, что Вы мне прикажете, ибо хочу послужить на Святой Земле. Ради Христовой любви прошел я пешком тысячи километров, скитался по горам и долинам, преодолел громадные расстояния... Я очень этого хочу. О. Герасим, видя мое страстное желание послужить Богу, принял меня и сделал своим послушником. Я же слушал его с большим смирением и безропотно выполнял все его распоряжения, и у меня было удивительно легко и спокойно на душе. Жизнь под духовным руководством удовлетворяла меня. Я во всем был послушен старцу, стараясь выполнять все аскетические подвиги и труды, которые угодно было ему на меня возложить, ибо требовал он этого ради моего душевного спасения.

С того дня я почувствовал на себе Божие благословение. У меня появился духовный отец. Это было поистине Даром Божиим, вселявшим в меня большую уверенность. Через таинство исповеди между нами возникла сильная духовная связь, и о. Герасим с большой любовью и заботой относился ко мне. Прошло целых шесть месяцев, а я словно не подозревал о существовании чего-либо вне стен Храма, мне и в голову не приходило узнать об этом. Меня совершенно не интересовал город с его обитателями, так что я и не выходил туда. Одно лишь всецело меня занимало - это послушание своему Старцу. Все мои интересы сосредотачивались на всенощных бдениях, постах и молитвах. Кроме того, я любил псалмопение. Пение псалмов веселило мою душу, радовало сердце, оно было для меня как бы венцом моей духовной жизни.

Страж Гроба Господня

После пройденного мною испытательного срока, - продолжал о. Митрофан, - мне сообщили, что я должен явиться в Патриархию, где меня ожидала какая-то приятная новость. Патриархом Иерусалимским был тогда Дамиан I. История моего бегства из турецкого плена, слухи о моем необычном прибытии на Св. Землю и о моей нынешней жизни передавалась из уст в уста и дошли до самого Главы Иерусалимской Церкви, поэтому он захотел со мной познакомиться.

Вследствие глубокого уважения, которое я имел к церковному клиру, в особенности к высшим Иерархам Церкви, я недоумевал, беспокоился и без конца задавал себе вопросы, зачем вдруг я понадобился Его Блаженству? Может быть, он хочет меня прогнать? Может быть, я совершил

что-то плохое, сам того не понимая? Или он хочет сообщить мне что-либо приятное, а вдруг наоборот - неприятное? Такие вот мысли лезли мне в голову, пока я ждал приема у Патриарха. Наконец наступил день, когда я вместе с сопровождавшим меня лицом поднялся по ступеням, ведущим в Патриархию. Меня провели в большой Патриарший зал, откуда был вход в кабинет Патриарха, там я увидел Блаженнейшего Патриарха, сидящего в своем кресле.

- Чадо мое, - сказал он, увидев меня, - твоя жизнь, твое послушание, и вообще все твое поведение стали мне известны. С сегодняшнего дня я назначаю тебя Стражем Живоносного Гроба Господня. Выполни с ревностью возложенное на тебя сие святое послушание. Послужи Гробу Господню с верою и самопожертвованием, а Всемилостивый Бог воздаст тебе за это служение в Царствии Небесном. С помощью Божией и нашими молитвами продолжай путь добродетелей, чадо мое. Господь с тобой.

Я положил земной поклон пред Блаженнейшим Старцем Патриархом, со слезами на глазах поблагодарил его и вышел, радуясь такому великому событию. Целый рой мыслей, дум, воспоминаний вдруг нахлынул в душу. Возможно ли это? Отныне я - страж Живоносного Гроба Христа! Без конца повторял про себя я эти слова и изумлялся, т.к. прекрасно сознавал, что нет у меня для этого никаких способностей. Почему Патриарх принял такое решение? И кто будет руководить мною в этом деле? Бог. Один только Бог. Я дал Ему обет, и вот Он сегодня помог мне его осуществить. Благодарю Тебя, Боже мой! Благодарю Тебя.

С того дня я приступил к великому и почетному послушанию - служению Гробу Господа. Каждый день благодарил я Бога за сию великую Его милость и старался относиться к своим обязанностям свято, честно, неподкупно и внимательно. Начало сего служения восходит к тем временам, когда были приставлены стражи к Гробу Господа, ибо, когда Христос был положен в новом гробе, пресвитеры еврейского народа попросили Пилата поставить стражу, боясь что "придут ученики Его ночью, украдут Тело и скажут народу, что Он воскрес из мертвых. И будет последняя ложь горше первой" (Мф.27,64). Эту высокую должность Стража Живоносного Гроба вот уже в течение двадцати веков выполняют только православные, т.к. никто из еретиков или иноверцев не может даже попытаться занять это место Стража Гроба Христа.

Страж Гроба Господня должен, прежде всего, сохранять его от случайного осквернения. Ведь сюда стекаются тысячи людей, не только православных христиан, но самых разных вероисповеданий. Они приезжают со всех концов земли, и смиренно преклонив колена, со страхом и трепетом прикладываются к Живоносному Гробу. Зажигают здесь свечи Воскресшему Христу, и, принося их в дар Спасителю, выражают свою любовь к Нему. Миллиарды свечей возжигаются здесь ежедневно, и горят они непрерывно в течение всего года. Ни одно святое место на земле, ни один памятник в мире, ни одна достопримечательность не привлекает к себе такого количества паломников, как Живоносный Гроб Господень, как Голгофа и Вифлеемская пещера, в которой родился Христос. Естественно, что при этом многие задаются вопросом, что же влечет сюда такие толпы народа и почему все они, стоя на коленях, поклоняются "пустому Гробу"?

Велий еси Господи, и чудна дела Твоя, - воздохнув из глубины души, сказал о. Митрофан и осенил себя крестным знаменем. Видно было, что в своем богатом духовном опыте он был свидетелем потоков слез людских, пролитых на Гробе Господа, был очевидцем глубоких сердечных вздыханий, переживаний, молений, просьб всех этих верных чад Божиих. Немного помолчав, он продолжил:

- Страж Гроба Господня ответственен за специальную Службу, посвященную Благодатному Огню. Многим известно, что Благодатный Огонь ежегодно появляется на Гробе Господнем в Великую Субботу, откуда его рассылают всему миру, как Божие, небесное благословение.

Этого благословения не лишены даже иноверцы и еретики, уклонившиеся от Истины Православия.

Старец отец Анатолий

После моего назначения на это послушание, моим духовным отцом стал о. Анатолий. Теперь я должен был повиноваться ему во всем. Подвижник Божий старец отец Анатолий был тогда Стражем Гроба Господня, и на его плечи легла тогда вся ответственность за меня. Ему я оказывал крайнее послушание, безропотно выполняя все его распоряжения. Он был очень строг в отношении к своим обязанностям, и никогда не шел ни на какие уступки или компромиссы со своей совестью. Он не терпел никаких возражений, сомнений и излишних вопросов. Если он давал какое-то распоряжение, то требовал, чтобы оно выполнялось с должным смирением и вниманием. Ведь собственно именно этими качествами и должен отличаться монах от мирянина.

Итак, начал я со смирением, кротко и молчаливо исполнять все то, что было угодно возложить на меня моему старцу. Мне не хотелось делать что-либо напоказ, мне думалось, что я должен нести послушание так, чтобы делать все как-то незаметно. Но прежде чем я приступил к сему служению Стража Гроба Господня, надо мною был совершен иноческий постриг, меня облекли в рясу. А это меня еще более связывало и заставляло относиться к своим обязанностям с еще большей ответственностью. Чин благодатного монашеского пострига совершил Блаженнейший Патриарх Дамиан I. Когда он спросил о моем имени, я взволнованно прошептал: Мильтиадис. Тогда Патриарх громко произнес: "Постригается раб Божий Митрофан". Патриарх Митрофан был выдающейся, исторической личностью Вселенской Константинопольской Патриархии. И мне было дано имя в честь этого святого, жившего в далеком прошлом. Со дня моего иноческого пострига и по сей день, я ношу в монашестве это св. имя, с которым служу возлюбленному Христу. Нам вдруг показалось, что о. Митрофан захотел прекратить свой рассказ, думая, что утомил нас - своих слушателей. И мы горячо стали просить его рассказать нам все до конца, с нетерпением ожидая услышать о самом главном в его жизни - о том, как он увидел Благодатный Огонь. И он, слыша наши просьбы, продолжил рассказ, а мы с еще большим вниманием и усердием стали его слушать. Нам так хотелось узнать, что же, в самом деле, происходит в Великую Субботу и как возжигается Благодатный Огонь. Вопросы эти для нас имели первостепенное значение и требовали ясности. Нам так хотелось проникнуть в тайну, волновавшую нас, как думается, волнует она и всех читателей этой книги.

Вероятно, многие задавались вопросом: может быть, тут происходит, какой-то обман? Может быть, скрывается некая тайна, о которой знают лишь немногие люди? И вот нам представился как раз такой случай, когда мы могли услышать ясный ответ из уст о. Митрофана - человека, который заслуживал полного доверия. Ведь уже пятьдесят семь лет прошло со дня назначения его на должность Стража Святого Гроба, и мы не хотели упустить этого уникального случая, и попросили его рассказать нам обо всем, что ему было известно об этом сверхъестественном явлении, и чему сам он был свидетелем.

Чудо, повторяющееся в веках

О. Митрофан, склонился на наши просьбы, заметив, с каким глубоким вниманием и интересом мы его слушали. Было видно, что и сам он был глубоко взволнован, найдя в нас благодарных слушателей, которые не из праздного любопытства расспрашивали его, а искренне желали услышать истину о Благодатном Огне. Все же несколько минут постоял он в задумчивости, словно, все еще колеблясь и размышляя, стоит ли продолжать свой рассказ или лучше его прекратить. Пока он так стоял, погрузившись в свои мысли, мы заметили, как вдруг изменился

его лик, изможденный аскетическими подвигами. Лицо его просияло. Вероятно, старца в сию минуту незримо посетила Божественная Благодать, радостная улыбка заиграла на его лице. Чистый взор его глаз внезапно изменился, глаза его заискрились и засверкали. Он посмотрел на нас с большой нежностью и продолжил:

- Как вам сказать, ведь природу Благодатного Огня невозможно определить. Трудно было бы сказать, что Он такое. Он безграничен и неопределим. В прошлом, насколько мне помнится, многие писали о Благодатном Огне. Писал о нем Хризостом Пападопулос в своей "Истории Иерусалимской Церкви". Писал Фемелис по случаю 100-летнего юбилея Храма Живоносного Гроба Господня. Сохранилось его описание службы Великой Субботы, т.е. Последование Благодатного Огня. Занимался, если мне не изменяет память, Благодатным огнем также Адамандиос Кораис в своей работе "Диалог о Благодатном Огне в Иерусалиме". Большое и достохвальное послание было написано Никифором Феотоки Михаилу Ларисеону, вопросившего его о Благодатном Огне. В Кодексе за номером 1457 имеется весьма важный, но не изученный трактат "О Благодатном Огне", написанный Неофитом Кавсокаливитом. Писали и другие авторы на эту тему, к сожалению, моя старческая память не сохранила всех их имен. Мы были поражены знаниями, которыми обладал о. Митрофан относительно Благодатного Огня, но он прервал наше восхищение словами:

- Я не буду приводить вам здесь ни подробностей относительно Благодатного Огня, имеющих у всех названных авторов, ни того, как каждый из них относился к этому непонятному и необъяснимому явлению. Скажу лишь, что одни из них пытались дать научное объяснение этому явлению, другие же просто описали его как исторический факт. Я же могу вам рассказать о том, чему меня научил мой собственный опыт за долготелый срок моего служения здесь и постараюсь описать вам поподробнее то, что сам сподобился увидеть моими собственными глазами. Вера моя в Бога была и есть великая. Она меня вознесла на высоту Божией Благодати. Сия Благодать Божия заполнила ужасную пустоту, образовавшуюся во мне, ибо я понял, что из бездн моей внутренней пустоты возникали все мои сомнения, разного рода помыслы и недоумения относительно Благодатного Огня. Разве и теперь мало таких же подобных мне людей, ощущающих в себе эту внутреннюю пустоту, которая мучает их, не давая покоя? Да, Господь меня сподобил однажды увидеть Благодатный Огонь! И после этого та ужасная пустота, которая годами мучила, подавляла и терзала меня, нарушая мой внутренний мир, вдруг заполнилась. Я ощутил, как все мое существо внезапно было буквально пронизано Божественной стихией Благодатного Огня. После этого во мне уже не было более и тени сомнений. Я видел то, чего редко достаивается видеть человек.

Когда в 1925 году я получил назначение на должность Стража Гроба Господня и оказался, как уже упоминал об этом, под духовным руководством отца Анатолия, тогда невольно задался вопросом: "Что есть Благодатный Огонь?". Приближалась Пасха. Все предыдущие годы я находился далеко от Гроба Господня, был я скорее зрителем или одним из тех многих тысяч паломников, стекающих сюда, чтобы помолиться в эти великие Страстные и Пасхальные дни. Но со времени моего назначения Стражем Живоносного Гроба все для меня в корне изменилось. Теперь я не был просто зрителем, наоборот, я самым активным образом участвовал в торжествах Страстной Седмицы, ибо на мне всецело лежала ответственность за порядок проведения службы и за Последование Благодатного Огня. Должно сказать, что старец мой, о. Анатолий был очень строг. Он не терпел непослушания и требовал немедленного исполнения всех его распоряжений. Еще более не терпел он колебаний или сомнений. Когда стала приближаться Страстная Неделя, он самым строгим образом сказал мне:

- Слушай внимательно, что я тебе скажу, и что ты должен будешь делать в Великую Субботу. В этот день появится Благодатный Огонь на Живоносном Гробе Господнем, ибо Он является

вечным Его источником. Ровно в 9 часов утра ты возьмешь пять килограмм чистейшего воска, на этом воске предварительно совершалась Божественная Литургия в течение сорока дней. Этот воск предназначен исключительно для Великой Субботы. Ты подготовишь его следующим образом: его следует растопить в одном сосуде, употребляющемся специально для этой цели. Приготовление такого количества воска занимает целых два часа. Необходимо, чтобы ровно к 11 часам закончилось его приготовление, так как им будет опечатан вход в Кувуклию во время Последования Благодатного Огня. А ровно в 10 часов утра в Великую Субботу в Храм Живоносного Гроба Господня войдет Блаженнейший Патриарх. Патриарх будет идти в сопровождении всего духовенства греческой Патриархии. Впереди шествия будут нести патриаршее Знамя нашего Православия, которое хранится здесь с древнейших времен - со времени образования первой Иерусалимской Церкви. Вслед за знаменем будут нести сверкающие золотом кресты и золотые рипиды с шестикрылыми херувимами. Специальная стража Патриарха будет одета в традиционные весьма красочные костюмы. Они будут держать специальные жезлы в руках, ими они будут ритмично ударять по земле, открывая путь шествию и, охраняя Патриарха от возможных инцидентов, которые неизбежно случаются при стечении огромной толпы народа.

Имей в виду, что на тебе лежит теперь вся ответственность за точное соблюдение и исполнение всего сказанного мною. Впервые за столько лет я не буду участвовать в этой церемонии. Ты должен будешь выполнить эту миссию. Отнесись к ней со всей ответственностью. В противном случае, как ты, так и я, доверивший тебе сие служение, должны будем уйти из Патриархии. Будь внимателен, о. Митрофан. Я уверил старца, что выслушал его с большим вниманием, и что ни одно слово не ускользнуло от меня. Убедившись в искренности моих слов, он продолжил: - Когда Патриарх придет в Храм Воскресения Христова, он поднимется по ступенькам и пройдет в алтарь, где сядет на Патриаршем троне. Тогда латиняне, армяне, абиссины, копты, сирийцы, - все представители инославных вероисповеданий - тоже пройдут в алтарь вслед за Патриархом и приложатся к его руке. Если же они не сделают того, что положено делать по установленному чину того дня, то они будут лишены права получить Благодатный Огонь из рук Блаженнейшего Патриарха. Сам по себе этот факт замечателен для Православия, ибо в нем отражается официальное признание того, что только Православие обладает истиной, что только оно хранит в целостности Апостольское Предание. Когда-то армяне хотели получить это преимущество. То есть они хотели лишить православных права получать Благодатный Огонь. Они полагали, что можно купить эту привилегию или дать выкуп за сей Дар Божий! Когда в 1517 году по Р.Х арабы захватили Иерусалим, армяне решили, что им представился подходящий момент для выполнения давно задуманного ими плана. Они хотели воровским образом лишить православных их преимущества, заключавшегося в получении Благодатного Огня. С этой целью армяне обратились к турецкому управляющему Святого Града и предложили ему огромное количество золота. Таким вот нечестным образом они думали лишить православных их привилегии и стали требовать от мусульманского эмира запретить православным вход в Храм Гроба Господня в Великую Субботу, чтобы самим получить Благодатный Огонь. Эмир согласился и удовлетворил их просьбу. Приказ его был строг и не подлежал изменению. Случай был беспрецедентным и коварным. Трудно передать словами печаль православных, ибо наступила Великая Суббота, а Храм Воскресения Христова был для них закрыт. Патриарх со всем клиром стоял вне Храма возле его входа. Как всегда в эти святые дни в Иерусалим стеклось множество народа, прибывшего со всех концов земли, чтобы принять участие в торжественной службе Великой Субботы и дожидаться Благодатного Огня. И вот вместо этого православный народ стоял вне Храма и горько плакал и рыдал, моля Бога явить чудо, и, скорбя о неслыханной дерзости армян, не допуская Патриарха внутрь Храма.

Между тем вблизи от Храма Воскресения находился высокий минарет, на который взобрался

арабский эмир, чтобы понаблюдать сверху самому за тем, что будет происходить около Храма. Борьба между христианами различных исповеданий вызвала в нем любопытство, и он решил проследить сам за тем, что же произойдет между армянами и православными в этот день. Патриарх, упав на колени, стоял около Храма и держал в руках два пучка из тридцати трех свечей. Слезы градом текли из его глаз, и, обратившись к Богу с горячей молитвой, он произнес: "Господи, Ты зришь сию несправедливость, услышь молитву чад Твоих. Яви славу Твою. Сотвори чудо и не лиши верующий народ Твой Благодатного Огня".

О. Анатолий посмотрел мне в глаза и спросил:

- Думаю, что ты видел Колонну, которая находится справа от входа в Храм. Заметил ли ты, что она треснута и потемнела?

- Да я это заметил, - сказал я. - Более того, заглянув внутрь Колонны, я почувствовал, что из нее исходит тот же знакомый мне дивный аромат, который я ощутил на Голгофе. Там этот аромат исходит из отверстия, где водружен Крест Христов.

- Из этой трещины, продолжал о. Анатолий, вышел Благодатный Огонь и в ту же секунду раздался оглушительный гром, сопровождаемый бурным дыханием ветра. Многие неверующие, недоумевая, задают вопрос: "Разве может Благодатный Огонь покрывать чернотой те места, к которым он прикасается, как это происходит при горении обычного, естественного огня?" Но не следует забывать, что Благодатный Огонь по истечении короткого времени после его появления приобретает свойства обычного, естественного огня, а из всякого пламени естественно исходит дым.

- Тогда я спросил Старца: почему же тогда его называют Благодатным?

- Потому что он исходит из Живоносного Гроба Господня, никто его не возжигает.

Он появляется силою и действием благодати Духа Святого. Яркий пример сему схождению Благодатного Огня мы видим в день святой Пятидесятницы, когда на учеников Христовых сошел Благодатный Огонь в виде огненных языков. Так вот в ту же минуту, когда в глубокой скорби душевной Патриарх произнес слова молитвы к Богу, внезапно появилось на небе белое облачко, оно становилось перед Патриархом, и он с великим благоговением и верою поднял свечи, которые держал в руках и возжег их от этого удивительного, сверхъестественного белого облака. - Можешь ли ты себе представить, что тогда началось? Весь православный народ, весь клир церковный со всеми находившимися здесь архиереями стали прославлять Бога громкими голосами, доходившими до небес. Раздался торжественный колокольный звон. Ликовала вся природа, радовалась вся тварь. Ликовали Небо и земля. Все возносило хвалу и благодарение Истинному Богу. Никакими словами невозможно описать невыразимую радость того дня.

С того самого дня явление Благодатного Огня стало исторически-признанным фактом. Арабский эмир - мусульманского вероисповедания, наблюдавший с минарета за всем происходящим, сразу уверовал, и сам превратился в горячего свидетеля Истины Православия. Увидев чудо Благодатного Огня, он громко возопил: "Велия вера христиан. Верую в Воскресшего из мертвых Христа. Поклоняюсь Ему, как Истинному Богу".

Когда он произнес эти слова исповедания веры, он спрыгнул с минарета вниз на землю и упал во двор Храма. И, о чудо! При падении с такой огромной высоты он нисколько не пострадал. Ни единой царапины не оказалось на его теле. Как только мусульмане услышали из уст эмира мужественное исповедание православной веры, тотчас восстали против него. Они его схватили

и отрубили ему голову за предательство исламской веры. Магометане не желали иметь у себя предателя их веры. Христиане же, наоборот, с большой любовью взяли тело сего мученика, крестившегося в собственной крови, и погребли его, как верное чадо Православия и как исповедника веры Христовой. Честные мощи его и по сей день, хранятся в монастыре Великая Панагия.

- Отче, а что же было с армянами?

- Армяне, потерпев поражение, вышли из Храма с печатью позора на их лицах. Бог постыдил врагов истинной и безукоризненной веры православной. Враги Воскресшего Христа исчезли и рассыпались как дым. Прошло много времени, пока они снова появились в мире, но их коварным планам не было дано осуществиться, лишь позор остался им в наследство оттого знаменательного дня, равно как и всем другим поколениям еретиков, претендовавшим на получение Благодатного Огня. Теперь ты узнал нечто такое, чего ты не знал до сих пор. Послушай же, в чем должно заключаться твое служение, ты должен довести до успешного конца возложенное на тебя послушание.

Когда представители чуждых нам догматов возьмут у православного Патриарха благословение, тогда он выйдет из алтаря Храма Воскресения, направится в сторону Кувуклии и станет напротив ее входа. Там на особых местах будут сидеть посланцы со всего мира: местные городские власти, представители дипломатических корпусов, офицеры полиции, представители народа.

Между 10 и 11 утра Великой Субботы совершается строгий контроль. Особые, уполномоченные лица входят в Кувуклию Святого Гроба, над которым в виде золотой занавеси висят сорок три золотые лампы, горят они там денно и нощно: тринадцать из них принадлежат православным, тринадцать - католикам, тринадцать - армянам и четыре - коптам.

Эти лампы, как светоносные Небесные Чины осеняют собою Гроб Христа. Внутри Живоносного Гроба входят только специально уполномоченные лица для того, чтобы в последнюю минуту, перед тем как войдет в нее Патриарх, погасить все сорок три лампы.

В день схождения Благодатного Огня установлен строжайший порядок, который веками здесь неукоснительно соблюдается. В этот день обязательно присутствуют и наблюдают за всем представители других вероисповеданий: католики, армяне и копты, вместе с ними входит в Кувуклию и православный уполномоченный. Их присутствие имеет лишь одну цель - проследить за тем, чтобы не была случайно или же намеренно оставлена зажженной какая-нибудь лампа или какой-то предмет, от которого можно было бы зажечь огонь, а также, не скрылся ли там какой-нибудь человек.

Кувуклия проверяется трижды. Погасив все лампы и свечи, уполномоченные выходят из Кувуклии. Храм Живоносного Гроба Господня погружается в полный мрак. Ровно в 11 часов утра Великой Субботы совершается процедура запечатывания Гроба. К этому времени воск, на котором предварительно совершалось сорок литургий, должен быть готов, то есть заранее расплавлен для наложения печати на вход в Кувуклию. Затем двумя огромными белыми лентами, скрещенными крестообразно, покрывают двери входа в Кувуклию, концы этих лент развеваются, украшая вход в Кувуклию. На двустворчатые двери со всех четырех сторон накладывается достаточное количество воска, а в том месте, где ленты перекрещиваются, накладывается наибольшая часть воска и вход в Кувуклию запечатывают официальной печатью Патриархии.

Эта процедура напоминает собой безнадежную попытку еврейских первосвященников и

фарисеев, пожелавших запечатать Гроб Начальника жизни печатью, чтобы Тело Его не украли ученики. И приступив к Римскому игомону Понтию Пилату, чтобы получить законное разрешение на это, сказали: "Господин! мы вспомнили, что обманщик тот, еще, будучи в живых сказал: "после трех дней воскресну..." И Пилат сказал им: имеете стражу; пойдите, охраняйте, как знаете. Они пошли и поставили у Гроба стражу, и приложили к камню печать (Мф. 27, 63 - 66).

После того как запечатывают двери Гроба, ровно в 11 часов утра Великой Субботы начинается Крестный ход вокруг Кувуклии. Ее обходят трижды. Торжественный Крестный ход сопровождается пением псалмов, весь Храм оглашается дивными, священными византийскими гимнами. Божественные звуки священных песнопений раздаются по всему Храму. Патриарх со всеми архиереями, облаченными в золотые саккосы, обходят Кувуклию в сопровождении всего Священного клира. Впереди процессии идут иподиаконы с подсвечниками и шестикрылыми рипидами в руках, в преднесении Честного Креста Господня. Эта торжественная византийская процессия переносит паломника в иные сферы бытия. На некоторое время все предстоящие и молящиеся здесь люди становятся гражданами Неба. После троекратного крестного хода вокруг Кувуклии, Патриарх становится напротив ее входа, его в это время подвергают самому тщательному осмотру в присутствии уполномоченных представителей инославных вер, официальных лиц и всего верующего народа. Этот контроль делается для того, чтобы устранить любое подозрение на возможность присутствия у него предмета, из которого он мог бы зажечь огонь, войдя в одиночестве в Кувуклию. После этой процедуры Патриарх в одном лишь подризнике, епитрахили и архиерейском омофоре, входит в Кувуклию. И ровно в 12 часов дня разрезаются ленты, и снимается печать с входа в Кувуклию.

- Будь внимателен, - сказал мне старец Анатолий, - заранее приготовь и поставь на мраморную плиту Гроба Господня Святую Лампаду в золотой подставке. "Лампаду? - молниеносно пронеслось в моей голове. - Какая лампада может быть на Гробе Господнем, если Благодатный Огонь нисходит свыше?" Старец Анатолий, заметив мое замешательство, не придавал ему никакого значения, и продолжал:

- Кроме этого на Живоносном Гробе должна быть положена Священная Книга, которая хранится в Ризнице. Ты должен будешь заложить толстой свечкой ту страничку, на которой начинаются молитвы Последования Благодатного Огня.

Услыхав это второе распоряжение старца о "толстой свече", я потерял последний остаток веры, и так едва теплившейся во мне. Черное облако сомнений покрыло всю мою душу.

- Свечу? - спросил я с удивлением, выражая всем своим видом решительное недоумение.

- Зачем нужна свеча? Но тут же услышал я строгий голос старца, который раздался, словно гром среди ясного неба.

- Где твоя вера? Где твое послушание - эта величайшая добродетель монаха? Где благоговение? Куда все это исчезло? Это дьявол борется с тобою. Это он вложил в тебя помыслы сомнения и неблагоговения. Разве ты не знаешь, что наше Православие утверждается на вере? Разве тебе не ведомо, что вера православная выдерживает любой контроль, любое расследование? Смотри, не погуби душу свою. Смотри, Митрофан, не играй с вещами Божественными. Делай все так, как я тебе говорю, с благоговением. Выслушай меня и исполни все мои слова со всеми подробностями. Не выставляй на посмешище народам нашу святую и непорочную веру. Будь внимателен... И встав со стула, он строго спросил: "Есть ли у тебя еще какие-нибудь вопросы ко мне?"

- Нет, - ответил я и, сделав земной поклон старцу, поцеловал его руку.

- Ну, давай, Господь с тобой. Постарайся сделать все наилучшим образом, соблюдая самый строгий порядок, делай все так, как я тебе говорил. И он ушел.

Безрадостная Пасха

Помню, что после этого разговора с отцом Анатолием во мне образовалась огромная пустота, и я не мог ни о чем ином думать, как лишь о присутствии "лампады" и "свечи" на Гробе Господнем. И я всеми силами старался с этим бороться. Однако ничего у меня не получалось. Эту внутреннюю, мысленную брань можно было бы сравнить с той, какую ведут между собою два борца, оказавшиеся на поле сражения или соревнующиеся на состязаниях. Вера моя боролась с неверием. Темные силы пытались подорвать во мне веру. Вера живет всегда с Богом, вера живет невидимым, воспринимая все в единстве. Вспомним слова апостола Павла: "Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом" (Евр. 11, 1). Сомнение же наоборот, пытаюсь ниспровергнуть веру, старается уничтожить все, что есть самого святого и священного в человеческой душе.

Вот с такими-то нерадостными мыслями встречал я, несчастный, канун Страстной Седмицы. Это было трагедией моей жизни. В церкви запели умильный тропарь. Слова его должны были подготовить души верующих людей к переживаниям страстных дней. Стихи тропаря были полны глубочайшего смысла и заставляли людей соучаствовать в страданиях Спасителя мира. "Честная Твоя страдания ныне, яко спасительный свет воссияли миру..."

Только моя душа из-за происходящей в ней борьбы оставалась глуха.

В те дни со всех уголков земли приехали паломники, желавшие принять участие в службах страстных дней, на Святых Местах, где пострадал и воскрес Господь наш Иисус Христос. Я нес свое послушание и как мог старался выполнять свои обязанности.

Казалось, только что началась Страстная Седмица, и вот как-то незаметно, приблизилась Великая Пятница, а за нею и Великая Суббота, в то время как не утихала, ведомая мною доселе, внутренняя брань. Меня пугал вопрос: смогу ли я выполнить все в точности так, как приказывал мне мой старец? Ведь мне не хватало опыта, и мужество покинуло меня.

Кроме того, я был измучен строгим постом. Долгие службы Страстной Седмицы, после которых мне приходилось делать уборку в храме, сильно утомили меня, времени для отдыха не оставалось. Наконец наступила Великая Суббота. В этот день я заранее растопил воск, как мне приказывал Старец, позаботился о белых лентах, которыми украшают вход в Кувуклию, поставил лампаду на мраморную плиту Живоносного Гроба и толстой свечой заложил страничку Книги, в которой была служба Последования Благодатного Огня.

Итак, борясь с внутренними сомнениями, обливаясь потом и изнемогая от усталости, я продолжал делать свое дело, стараясь быть верным своему долгу. Все, что говорил мне старец, выстроилось в моей памяти в определенном порядке. Но сейчас мне казалось, что я не смогу повторить эту последовательность действий, мне становилось страшно, я дрожал от напряжения, боясь, что моих сил не достанет до конца. Инославные наблюдатели последний раз проверили Живоносный Гроб, затем все вышли из Кувуклии, и я вслед за ними.

Затем я собственными глазами видел, как запечатали воском Кувуклию, стоя тут же рядом у двери Гроба. После торжественного крестного хода, ровно в 12 часов дня двери Кувуклии широко распахнулись, были сняты все ленты и печати, и первым туда вошел Патриарх. За ним

в качестве наблюдателя последовал представитель армянской церкви, имеющий привилегию первенства. В его задачу входит тщательно следить за каждым движением Патриарха. Обычно, во вторую часть Кувуклии, там, где находится Живоносный Гроб Господень, он войти не может, наблюдая лишь из придела Ангела, за действиями нашего Патриарха.

Патриарх встает перед мраморной плитой, покрывающей Живоносный Гроб Господень, и с великим благоговением и трепетом молится. Спустя некоторое время в Кувуклии внезапно появляется Благодатный Огонь. В ту же минуту его передают всем находящимся в храме. Каким-то непостижимым образом возгорелись вдруг все лампы и свечи во всем Храме Воскресения, сами по себе возгорелись даже те, которые висят очень высоко, почти в недоступных местах. Благодатный Огонь своим голубым, неотмирным светом озарил все вокруг, проникнув буквально во все уголки громадного здания. После появления Благодатного Огня первым в Кувуклию вошел представитель католического духовенства, чтобы из рук Патриарха получить Благодатный Огонь, ибо он имеет эту привилегию.

Восторг народа бывает неопишным, когда с колокольни Храма Воскресения раздается торжественный трезвон, возвещающий всему миру о Небесной радости - о появлении Благодатного Огня на Гробе Господнем. Звон колоколов долго не умолкает, не переставая своими радостными звуками возвещать единую истину Православной веры.

Справа от Кувуклии стоит и ждет Патриарха православный архиерей. Кувуклия имеет два больших отверстия: одно справа, второе слева. Из этих отверстий Блаженнейший передает Благодатный Огонь представителям армянского и католического вероисповедания. Православный Архиерей также получает Благодатный Огонь из рук Патриарха и уносит его в Храм Воскресения. Он держит в руках два пучка горящих свечей, в каждом по тридцать три свечи. А православный народ в порыве духовной радости, на своих плечах уносит Патриарха в алтарь Храма Воскресения. Этот обычай сохранялся до середины нашего века. В это время хор исполняет особые песнопения, посвященные Благодатному Огню. И на сей раз, все торжествовали и радовались. Лица всех сияли от премирного присутствия Благодатного Огня. Только один я оставался в смятении, будучи всецело погружен в бурные волны моря моей внутренней, душевной брани. Душа моя боролась, колеблясь между верой и неверием. И радость Благодатного Огня и Воскресения Господа как будто меня не касались, их не было в моей душе. На моем лице отражалась лишь горькая улыбка сомнения, и я повторял про себя: "О, доверчивый, простодушный народ! Мне то известно, что на Гробе Господнем стоит лампада. Если бы ты знал об этом, радовался ли бы ты теперь? Кто знает, каким образом Патриарх зажжет огонь. А ты в своей простоте и наивности считаешь его Благодатным!"

Тогда я пережил самую безрадостную Пасху в моей жизни, и я не желал бы никому такое пережить.

И все же будто некий луч света вдруг озарил меня, и я испытал какую-то долю радости. Этот луч пробился сквозь толстую стену моей печали и осветил мою душу. Я стал размышлять о том, что же мне еще предстоит сделать. И будучи ответственным за богослужение сего дня, я вошел первым по открытию Кувуклии в то место, которое только что освятилось явлением Благодатного Огня. Теперь мне оставалось взять в свои руки лампаду и Священную Книгу с Гроба Господня и со всеми мерами предосторожности вынести отсюда, дабы сохранить их от возможного осквернения, как со стороны верующих, движимых чрезмерным благочестием, так и со стороны иноверцев.

Войдя в Кувуклию, я вдруг ощутил в себе нечто такое, что просветило мои внутренние чувства, покрытые доселе мрачным облаком неверия, будто немного рассеялся мрак, покрывавший мою душу. "Конечно, быть может лампада на Гробе Господнем каким-то образом сама зажглась, -

подумал я, - но свеча не оставляла меня в покое, она оказалась совсем нетронутой и создавала во мне проблемы, она находилась в том же месте, куда я ее положил, то есть в Книге". И я продолжал терзаться вопросами: "Почему свеча оказалась нетронутой? Что же зажглось сначала? Если первой зажглась лампада, то зачем понадобилась свеча? Для чего она нужна? Зачем мой старец приказал заложить ею ту страницу Книги, где начинается Последование Благодатного Огня?"

Пока я так стоял, недоумеая, мне пришла в голову мысль, несколько поднявшая мое настроение. Я вдруг вспомнил про присутствие армянского представителя в Кувуклии. Ведь он стоял тут же и следил буквально за каждым шагом, за каждым движением Патриарха. Разве он бы не заметил обмана? И вдруг послышался во мне неизвестно откуда взявшийся голос, который словно, испытывая мою беспокойную душу, строго сказал: "Тот, кто верит, не сомневается. Тот, кто верит, не подвергает опытным исследованиям духовные, неизъяснимые тайны нашей веры. Тот, кто верит, не колеблется ни свечами, ни какими-либо другими предметами и гонит прочь от себя все сомнительные помыслы, не имеющие под собой никакой почвы. Знай же, что сверхъестественные явления не подлежат никакому опыту, ибо они покрыты глубочайшей тайной. Исследование не имеет места там, где совершается чудо. Ведь чудеса не подчиняются физическим законам, ибо они являются Небесным феноменом. Их совершает Бог. Чудеса являются проявлением Божией силы, проявлением Его энергии в этом мире. А разве есть что-либо невозможное для Бога? "Невозможное у человек, возможно есть у Бога", - об этом сказал Сам Богочеловек Иисус Христос".

Эти размышления о всемогуществе Божиим несколько успокаивали меня. Однако второй голос с силой заглушал первый и прерывал то святое, которое начинало возникать в моей душе. "Все обман", - повторял он, издеваясь, и эти слова, как эхо раздавались в сокровенных глубинах моей души. "Все обман, - повторял за ним и я.

- Что-то тут не так. При чем тут свеча в Книге на Гробе Господнем, ежели речь идет о чуде? И что ты думаешь о лампаде? Я должен проверить и убедиться во всем сам, для чего свечой заложена книга и зачем стоит лампада на Гробе Господнем. И снова первый голос перебивал второй, говоря: "Разве ты не видел свечу своими глазами, Митрофан? Как же могла зажечься лампада, если свеча не была зажжена, и на ней нет никакого следа от огня, который бы свидетельствовал о том, что она горела? Почему же ты сомневаешься? Почему не веришь? "

Однако навязчивая идея, появившаяся во мне, не давала покоя. "Я должен сам во всем убедиться, - повторял я самому себе, - я должен увидеть, что происходит в тот момент, когда двери Кувуклии закрываются". И в моем беспокойном мозгу снова и снова возникали сомнительные помыслы терзавшие меня.

Одним из основных вопросов был тот, на который я был бессилен ответить и не мог забыть. Касался он присутствия в Кувуклии строгого наблюдателя - иноверца, следившего за Патриархом. "Если бы тут имел место обман, - думал я, - разве он бы не обнаружил его? Некоторые, правда, называют все это "издевательством и сговором...". Но с кем тут сговор? Еретики ведь не шутят. Они напряженно следят за Патриархом и если бы заметили обман, то уж не преминули бы очернить Православие. И, несмотря на все эти здравые рассуждения, я пытался найти разрешение всем своим сомнениям сам, так как мои вопросы оставались пока что без ответа. Порой мною овладевало полное равнодушие, наступало томительное бездействие, и все же я чего-то ждал.

"Я должен сам во всем убедиться, - повторял я про себя, как второй Фома неверный, - я должен увидеть своими собственными глазами, что происходит в Кувуклии при закрытых дверях. Только тогда я смогу поверить". И я стал поджидать благоприятного момента для

осуществления этого моего решения.

Дерзновенный план

Последние слова о. Митрофана вызвали в нас большую тревогу. К его тяжким душевным испытаниям, добавилось и наше волнение. Его колеблющаяся вера и те серьезные вопросы, над которыми он бился, поколебали отчасти и нашу веру. Как он тогда упорно хотел увидеть, как появляется Благодатный Огонь, дабы утвердиться в вере, так и мы желали до конца выслушать его рассказ для того, чтобы и нам утвердиться в вере. Отец Митрофан, заметив наше волнение, сказал:

- Не волнуйтесь. Дослушайте меня до конца и прославьте Бога.

Я был тогда молод. Вера моя, хотя и колебалась, не находя объяснения этому непонятному явлению Благодатного Огня на Гробе Господнем, но она все же всегда оставалась во мне живой. Я глубоко верил в Господа и, несмотря на все свои сомнения и вопросы, в глубине моей души царили покой и тишина. Небесная благодать всегда меня осеняла. И все же желание увидеть своими собственными глазами, что происходит внутри Гроба, было непреодолимо. Оно стало моей мечтой, которую мне хотелось осуществить во что бы то ни стало. Я понимал, что было бы невероятно трудно привести в исполнение задуманный мною план. Оставалось надеяться лишь на какую-нибудь случайность.

Не могло быть и речи о том, чтобы просить разрешения остаться внутри Священной Кувуклии во время сошествия Благодатного Огня. Правила в этом отношении неумолимо строгие. Что же делать? Не скрыться ли мне самовольно в Кувуклии, не прося ни у кого разрешения? Но я понимал, что это совершенно невозможно, так как там нет ни одного уголка, в котором можно было бы укрыться. Кувуклия трижды проверяется незадолго до появления Благодатного Огня. Кроме того, как ответственный Страж Гроба я не мог отсутствовать во время Службы. Ведь я должен войти в Кувуклию первым и выйти последним.

День и ночь мучили меня эти мысли. "Я должен непременно все увидеть, должен во всем убедиться...". Но это "должен" так и оставалось невыполнимым. Ибо не было никакой возможности осуществить мною задуманное. И я никак не мог избавиться от моих навязчивых мыслей и перестать думать обо всем этом. Эту мою душевную борьбу знал только Один Господь Бог.

Бог Сердцеведец видел мои помыслы и мою внутреннюю борьбу, ибо Он зрит глубины сердца человеческого и Ему ведомы помыслы каждого из нас. Быть может, поэтому Он позволил случиться непредвиденному. По Его воле обстоятельства сложились таким образом, что я смог увидеть то, чего так жаждал.

Случай с лампадой

Так протекали день за днем, а мечта моя оставалась по-прежнему неосуществимой. Оставаясь на посту Стража Живоносного Гроба и со всем усердием исполняя свой долг, я не переставал, однако, томиться все теми же мыслями. И всякий раз, когда я держал в моих руках потушенные свечи паломников, то снова и снова вспоминалась мне та свеча из Священной Книги на Гробе Господнем, и вереница мучительных помыслов проносилась в моей голове, безжалостно терзая мой ум. О. Митрофан вдруг прервал свой рассказ на несколько минут. Затем как будто некая невидимая сила осенила его: глаза засияли от радости, лик словно озарился благодатью Божией, и широкая улыбка появилась на его лице. -

Слушайте же, - сказал он, - что уготовал для меня Всеблагий Бог. Однажды совсем непредвиденный случай перевернул всю мою жизнь. Вверху над Живоносным Гробом, над которым висят 43 лампы, случилось нечто ужасное. Господь видимо позволил тому быть: оборвалась толстая цепь, на которой держался один из четырех рядов золотых лампад. Произошла суматоха, падение лампы вызвало у всех большое волнение.

Однако после этой истории с лампадой в моей душе появилась надежда. Я решил использовать этот случай для разрешения моей внутренней борьбы. Я заметил, что позади висящих лампад, образующих собой как бы занавес, имеется маленький купол увенчивающий Кувуклию, а слева от него, вверху, как раз напротив мраморной плиты Гроба Господня есть маленькое местечко наподобие крипты. Эта крипта очень мала, но в ней мог бы поместиться один человек. Значит, подумал я, мои сомнения могут разрешиться, если только мне удастся скрыться в ней. Забравшись незаметно туда, я смогу увидеть все, что происходит внутри Кувуклии. Случай с упавшей лампадой помог мне также заметить, что купол Кувуклии весь покрыт густым слоем черной копоти, образовавшейся от горения множества лампад. Черная копоть образовывалась здесь в течение ста пятидесяти лет. Миллиарды свечей, возжигавшихся паломниками на святом месте в дар Христу, привели к этой печальной картине. И я решил использовать ее в задуманном мною плане. Сочтя случай с лампадой подходящим, я решил подойти к старцу о. Анатолию, чтобы просить его благословения промыть внутреннюю часть Кувуклии от толстого слоя копоти. "Вы не можете себе представить, - горячо доказывал я старцу, - какая грязь накопилась вверху. И это недопустимое зрелище на таком Святом Месте остается невидимым благодаря лампадам, которые закрывают собою купол. Ведь совсем не исключено, что в какой-то день непременно отвалится кусок копоти и упадет прямо на Живоносный Гроб. Хорошо если это случится не во время совершения Божественной Литургии, а если во время службы?" Ко всему сказанному я добавил еще ряд других своих соображений и все лишь с единой целью - осуществить свой план. "Мне бы хотелось промыть Кувуклию также сверху", - добавил я. Но старец строго запретил мне это делать:

- Никакая односторонняя деятельность здесь невозможна, ибо армяне, католики и копты сразу же начнут протестовать, станут предъявлять немыслимые требования, потребуют своих каких-то прав и будут в претензии на нас. Все это может привести к самым непредвиденным последствиям, ведь они только и ждут какого-либо случая, чтобы использовать его и создать инцидент. Услышав категорический ответ старца, я поклонился ему в ноги, и, поцеловав его руку, ушел. Однако не с тем, чтобы отступить от своей цели. Я снова стал придумывать, как же мне ее достигнуть.

Хитроумная подготовка

Должен заметить, что на Живоносном Гробе ежедневно совершается Божественная Литургия, и Священные Сосуды ставятся прямо на мраморную плиту, которая покрывает Гроб Христа. Иногда Гроб Господень используется в качестве жертвенника, на котором совершается Проскомидия, и тогда Он напоминает нам Вифлеемскую пещеру, символизируя собою место Рождения Христа. Камень же, который был отвален некогда Ангелом от Гроба, служит Престолом. Таким образом, Гроб Господень служит попеременно то Жертвенником, то Престолом. В последнем случае архиерей или священник, совершая Литургию, стоит пред Гробом Господа на коленях. Итак, думалось мне, поскольку другого случая может больше никогда и не представиться, то я решил пойти на хитрость. Купив кусок ткани, который по размерам точно соответствовал длине и ширине мраморного покрытия Гроба Господня, я решил ее подвесить над мраморной плитой Гроба, как раз в том месте, где висят лампы. Для этого надо было прибить ткань гвоздиками и прикрепить ее к крючкам, чтобы на них она могла держаться. Взяв немного копоти из купола Кувуклии, я подбросил ее в лампы. Причем эту

копоть я уложил так, чтобы при малейшем движении лампы она упала бы вниз на Св. Гроб. Таким образом, когда священник будет совершать Литургию, то копоть обязательно упадет на него. К такому действию я вынужден был приступить с одной лишь целью - убедить моего старца в необходимости очистить копоть в Кувуклии. Когда копоть упадет на Живоносный Гроб, тогда старец сам сможет убедиться в необходимости промыть купол Кувуклии, более того, он сам попросит меня об этом. А я тем временем рассмотрю крипту, проверю, смогу ли в ней поместиться, и если смогу, то спрячусь в ней в Великую Субботу.

Все случилось, как я и предполагал. Очередную литургию на Гробе Господнем служил священник о. Василий Карапас. Когда он приступил к совершению Таинства, то по Божьему попущению слегка шелохнулись лампы и черная копоть упала прямо на мраморное покрытие Св. Гроба.

Священник остановил службу и позвал меня. Немедленно вбежал я внутрь Кувуклии с таким видом, будто ничего не знаю. О. Василий, указывая на копоть, упавшую из лампы на Св. Гроб, сделал мне выговор за то, что случилось. Я же выслушал его упреки, ни в чем ему не противореча. Постоял в задумчивости, а затем, словно найдя решение, побежал и достал материю. Без особого труда я прикрепил ее между висящими лампами и Живоносным Гробом, и литургия продолжалась. После того, как православная Литургия закончилась, наступила очередь армян, которые вошли в Кувуклию, чтобы отслужить свою Литургию. Я тем временем успел удалить ткань, так что все 43 лампы, заполненные копотью, висели на своих цепях, а копоть так и падала вниз, словно какая-то невидимая рука, разбрасывала ее сверху. Армянский священник вынужден был отказаться от совершения литургии. Наконец наступила очередь католиков. Убедившись, что служить Литургию невозможно, католический священник также отменил Богослужение. Сразу после всей этой истории были приняты меры. Все сообща - православные, копты и католики - решили, что надо промыть вековую копоть в Кувуклии. Радость моя была неописуема, так как я достиг своей цели. Старец призвал меня к себе и сказал:

- Ты прав. Теперь, когда все сообща убедились, что необходимо произвести генеральную уборку в Кувуклии, ты можешь приступить к этому делу. Я поклонился Старцу, поблагодарил и поцеловал его руку. Внутри себя я ощущал такую радость, которую не в силах вам описать. Не откладывая в долгий ящик, я приступил к работе.

Сказать ли вам, какая картина предстала пред моими очами, когда я поднялся наверх? Весь купол Кувуклии был забит таким толстым слоем копоти, что представлял собой скорее дымовую трубу, нежели купол часовни. Представьте себе, что в течение ста пятидесяти лет рука человеческая не касалась его! Я много потрудился, чтобы хорошенько промыть купол от накопившейся в нем вековой грязи, и был поражен, когда увидел, что под толстым слоем черной копоти в нем скрывалась прекрасная византийская мозаика. Поистине это было дивное произведение искусства. На ней было изображено Воскресение Христова с двумя Ангелами в белоснежных одеждах, сидящих на Гробе Господа, а Жены Мироносицы: - Мария Магдалина, Мария Иаковля и Саломея - вместе с Пресвятою Девой Матерью Господа со страхом и изумлением взирали на сих Небесных посетителей. Когда я окончил нелегкий труд по очистке купола, сюда стали прибывать посетители и паломники, и каждого входящего в сие Свята Святых охватывало чувство глубокой радости и трепетного волнения при виде совершившихся здесь изменений. Чистота внутри Кувуклии, сверкающая золотом мозаика с изображением Воскресения Христова, вызвали у всех восторг и изумление. В то же время все эти люди, каждый как мог, старались выразить мне свои чувства благодарности и поздравляли с успешным завершением этой работы.

Мой старец о. Анатолий тоже был весьма доволен мною. Конечно же, он и представить себе не

мог, ради чего я решил проделать всю эту трудную работу, и не мог предположить на какой смелый и дерзкий план я отважился. Он не знал, что пока я занимался очисткой купола, я самым тщательным образом успел обдумать, как мне проникнуть внутрь Кувуклии в Великую Субботу. Но больше всех был доволен Блаженнейший Патриарх Дамиан. Вскоре он пригласил меня к себе и в знак благодарности моему усердному труду наградил меня Орденом Патриархии с изображенными на нем святыми Константином и Еленой, который дается в исключительных случаях.

Но вот миновали первые волнительные минуты, и время пошло своим чередом. Наконец-то наступил Великий Пост 1926 года. И, хотя я прекрасно понимал, что план мой опасен и дерзок, но был намерен во что бы то ни стало его осуществить. При этом передо мной стоял труднейший вопрос: как я мог бы объяснить свое отсутствие в Великую Субботу? Я был ответственным за подготовку к Богослужению и должен был найти себе замену. Это мог бы сделать мой старец о. Анатолий. Но теперь у него были другие обязанности, которые он никак не мог оставить. Да и мог ли я просить его оставить свои дела и взять на себя то, что должен был сделать сам?

Впрочем, ведь могло случиться нечто непредвиденное. Я мог бы вдруг заболеть, оказаться в больнице, мог бы ввиду неожиданной болезни перестать ходить и, так или иначе, был бы вынужден оставаться в своей келье. Что бы при таких-то обстоятельствах сделал о. Анатолий? Разве не взял бы он на себя тех обязанностей, которые я должен выполнять во время совершения Чина Благодатного Огня? Разве не заменил бы меня?

Все эти мысли роились в моей голове, и страшно мучили меня. Крипта была мною хорошо обследована, и я вполне мог в ней скрыться, оставаясь, при этом, никем незамеченным. Надо было лишь безотлагательно объявить о своем отсутствии в Великую Субботу. Об этом я должен был поставить в известность моего старца, но необходимо было придумать серьезную отговорку, которая казалась правдоподобной. В конце концов, я подошел к нему и с великим страхом, волнуясь, сказал:

- Отче святой, я получил письмо с родины. Мне сообщают, что на Страстной Неделе приедет один мой родственник - полковник. Он пробудет всего несколько дней и уедет в Великую Субботу. Своей просьбой он поставил меня в очень затруднительное положение. Он попросил, чтобы я сопровождал его, так как не знает ни языка, ни страны. Я Вам обещаю, что к тому часу, когда будет совершаться служба Благодатного Огня, я вернусь, во всяком случае, в конце службы я буду здесь. Я буду отсутствовать с раннего утра Великой Субботы до часа окончания службы. Вы благословите, отче святой?

Услышав о моей просьбе, о. Анатолий строго сказал:

- Ты всегда просишь о чем-то невыполнимом. В Великую Субботу мы буквально падаем от усталости, а ты просишь, чтобы я тебя отпустил. Тон его голоса не допускал никаких возражений. При таком отказе мне не оставалось ничего другого, как уйти ни с чем. Через некоторое время я снова со смущением и нерешительностью подошел к нему. Ответ был таким же отрицательным. Все это продолжалось почти ежедневно до тех пор, пока не наступил конец Великого Поста. Тогда мои просьбы стали сопровождаться горькими слезами и горячими мольбами. Я горячо просил Бога, дабы Он склонил моего старца выполнить мою просьбу.

Моя настойчивость и неустанные мольбы сделали свое дело. Однажды вместо очередного отказа мой старец вдруг сказал:

- А ты обещаешь мне быть здесь во время Чина Благодатного Огня?

- Да! - отвечал я с уверенностью, заведомо зная, что смогу выполнить такое обещание.

- Ну ладно, иди. Бог тебя благословит.

Что мне добавить к сим словам старца? Можете ли вы себе представить, какие чувства охватили меня тогда? Какую радость испытал я после долгой душевной борьбы? Итак, получив благословение о. Анатолия, я приступил к осуществлению задуманного мною плана.

Наступили первые дни Страстной Седмицы. Толпы паломников заполнили Святый Град. Такой наплыв народа в священный город Иерусалим совершается ежегодно. Разрешение на отлучку мною было получено, однако моя мысленная борьба не прекращалась. Как мне забраться в крипту и остаться никем не замеченным? Мне придется воспользоваться лестницей. Но потом кто ее уберет? Не могу же я взобраться по ней в крипту и сам убрать ее за собой. Но если кто-то другой уберет ее за мной, то обязательно узнает, что я нахожусь внутри Кувуклии. Безумный мой план будет раскрыт, я буду пойман, а последствия этого поступка непредсказуемы. С другой стороны, думал я, мне уже никогда больше не представится такого случая, и я все также буду мучиться не находя ответа на мои вопросы, и моя внутренняя духовная брань измучит меня, подорвав веру в Благодатный Огонь.

Я понимал, что теперь все мои размышления сводились к тому, как бы мне отступить от затеянного мною дела. И вот, когда я уже готов был на это, вдруг пришло на ум следующее: я вспомнил об одном человеке, отличавшемся крайней простотой, добротой и бесхитростностью. При его детской простоте и наивности ему было бы просто невозможно в чем-то меня заподозрить, да ему и в голову не могло бы никогда придти, на какой отчаянно смелый и дерзкий шаг я решился. Итак, мне оставалось только найти к нему подход и поговорить с ним, не открывая ему своих намерений.

Итак, человек этот был "портарис", то есть "привратник" Храма Живоносного Гроба. Звали его о. Никандр. Он обычно ежедневно открывал и закрывал высоченную дверь Храма, пользуясь при этом лестницей. Безропотно неся свое скромное послушание, он у многих знавших его пользовался большим уважением, служа примером истинного монашеского смирения и послушания. Был он по-детски прост по душе. Это был один из тех монахов, которых обычно никто не замечает, но которые никогда не отказываются ни от каких работ. Он был всегда готов прийти на помощь любому человеку, и был всеобщим любимцем. Я подошел к нему и совершенно спокойно и бесстрастно сказал:

- Отец Никандр, в Великую Пятницу вечером, после того как закончится Литургия у католиков, я хочу попросить тебя об одной услуге. Принеси мне, пожалуйста, твою лестницу, чтобы я смог подняться и сверху проверить все те лампы, которые висят над Живоносным Гробом Господним и в приделе Ангела. Я должен быть уверен, что в Кувуклии все в порядке, т.к. я ответственен за это дело и хочу избежать каких-либо неприятных неожиданностей, которые могли бы вдруг возникнуть во время чинопоследования Благодатного Огня. Мне необходимо как следует проверить лампы в Кувуклии. Когда я поднимусь по лестнице, тебе не надо будет меня ждать, пока я закончу свою работу. Ты сможешь забрать свою лестницу и уйти. Мне легко будет спуститься вниз и без лестницы, об этом ты не беспокойся. Я знаю, как оттуда спуститься.

Да ведь я прекрасно знал, что одним прыжком легко можно выпрыгнуть из крипты, при этом остаться незамеченным. В том море радости от схождения Благодатного Огня, в том шуме голосов толпы, в том невыразимом веселье, конечно же, никто ничего не увидит. Мне удастся тихо, бесшумно спрыгнуть вниз, и я в должное время появлюсь на своем посту, как ни в чем не бывало, так что никто и не заметит, откуда я взялся.

Простодушный о. Никандр, совершенно ничего не подозревая, конечно же, согласился выполнить мою просьбу.

Я видел Благодатный Огонь

Время было ровно 12.30 пополуночи с Великой Пятницы в канун Великой Субботы 1926 года. Все мое приготовление состояло в том, что я приобрел маленький электрический фонарик и прихватил с собой на всякий случай небольшой сосуд с водой. Теперь ничто больше меня не занимало. Как было заранее условленно, я подзвал о. Никандра, и он быстро принес лестницу. Я внес ее в Кувуклию и, поднявшись вверх, сказал о. Никандру:

- Забирай лестницу и не жди меня. Когда закончу, спущусь сам.

И он ушел, унеся с собой лестницу.

Разумеется, в эти ночные часы в Храме никого уже не было. Не могу вам выразить моих чувств. Как вам описать мое тогдашнее душевное состояние? В те часы я пережил состояние незабываемое. Меня объял страх и неизъяснимый трепет, и я весь с головы до ног обливался холодным потом. Все мое тело дрожало от страха. Вероятно, похож я был на человека, которого полумертвым ведут на место смертной казни. На меня напал неизъяснимый, мистический страх, которого я никогда в жизни прежде не испытывал. В мыслях моих вставал и терзал меня все тот же неумолимый вопрос, который всегда мучил меня. Тогда я принимался мысленно укорять себя и говорить: "Разве посмел бы кто-нибудь другой решиться на такое отчаянное дело, на которое решился ты? Вряд ли в течение всей длительной истории христианства нашелся бы другой такой дерзкий человек, как ты! А ты, однако, решился? Как ты дерзнул пойти на такое неслыханное дело? Что, если каким-то образом обнаружат тебя здесь, что ты тогда будешь делать? Как оправдаешься? Какой ответ будешь ты держать?"

Эти мысли не давали мне покоя, в то же время я не мог справиться с моим упрямством, оно было сильнее меня. И я без конца думал все об одном и том же. В конце концов, я должен разрешить мои сомнения, ибо оставаться жить с ними я больше не могу. "Следует самому во всем убедиться, - повторял я себе, - и понять, что же здесь происходит? Чудо или обман? Когда я увижу все своими глазами, тогда остальные годы жизни смогу жить спокойно, и, вероятно не буду больше терзаться мучительными сомнениями".

И все же, несмотря на все эти доводы, порой я начинал горько раскаиваться в содеянном мною отчаянном поступке. Я чувствовал, будто кто-то подталкивал меня и говорил: "Спускайся быстро вниз. Зачем ты связался с таким авантюрным делом? У тебя есть еще время. Скоро начнется православная Божественная Литургия. Она закончится в четыре утра. После нее придут армяне. Они долго будут совершать свою службу. Ты же вынужден будешь стоять здесь неподвижно, бесшумно, безмолвно. А что если ты не выдержишь? После армян придут католики. Все это будет продолжаться до 6.15 утра. Сможешь ли ты выдержать все это время, стоя на ногах в тесной крипте и окаменев в неподвижности? Что если вдруг защекочет у тебя в горле, и ты вынужден будешь кашлянуть? Что с тобой станется?"

При этом я с нетерпением посматривал на часы. Минуты мне казались часами, а часы - годами. Как будто стрелки часов совсем не двигались, а оставались на месте. Можно было подумать, что они делали это нарочно, чтобы осудить мою дерзость. Ровно в два часа пополуночи с Великой Пятницы на Великую Субботу вошел православный священник в Гроб Господень и начал служить Литургию. После него, в четыре часа утра, прибыли армяне, чтобы отслужить свою Обедню. Они так громко кричали, что уши мои не выдерживали, и я вынужден был закрыть их руками, чтобы не слышать пронзительных голосов армян. Их пение было

каким-то монотонным, непрерывное псалмопение длилось без всяких изменений на гласы. Громкие звуки, которые неслись снизу, буквально били по моим ушам, и у меня не было сил выдерживать все это. Впрочем, по всей вероятности, во мне накопилась усталость за все предшествующие, ежедневные всенощные богослужения Страстной Седмицы, а та жуткая борьба, которую я испытывал в данный момент, вызвала во мне страшное головокружение. Мне казалось, что все тело мое горит в огне, как это бывает при высокой температуре. Наконец-то армяне закончили свою службу, и наступила очередь католиков. Все эти долгие часы я вынужден был смотреть сверху за всем тем, что они делали во время их Литургии. Я увидел пресные маленькие хлебцы, на которых они совершают свою Литургию, а потом раздают их причастникам, как Тело Христово, вместо просфоры, замешанной на дрожжах, которую употребляют православные.

Я стоял не шевелясь, набравшись терпения, и, задерживая дыхание, боялся кашлянуть. Во рту моем совсем все пересохло от борьбы, переживаемой мною. Время от времени я набирал в пересохший рот несколько капель воды и освежал его. То есть делал то, что обычно делают больным, вливая им в рот немного воды, чтобы охладить их уста во время предсмертной агонии.

В 6.15 утра в Великую Субботу закончилась служба у католиков, и из Кувуклии вышел их священник, а Живоносный Гроб перешел в руки моего старца Анатолия. Могу себе представить, что бы он сказал, если бы только знал, что его послушник - Митрофан находится сейчас здесь, почти рядом с ним, и отсюда, сверху наблюдает за тем, что происходит внизу. Ведь старец уверен, что послушник его отсутствует. В самом деле, подумал я, можно ли себе представить, что бы случилось тогда с ним, если бы он узнал, что все мои слезные просьбы были просто ужасным обманом! Между тем о. Анатолий без всяких проволочек приступил к подготовке Кувуклии. Практически то, что должен был делать я, вместо меня делал теперь он. О. Анатолий погасил все 43 лампы на Живоносном Гробе и в приделе Ангела. Затем заготовил свечу из чистейшего воска, на которой предварительно было совершено сорок Литургий. Вся эта работа должна была быть окончена к 11 часам утра. Никакая задержка недопустима, так как ровно в 11 часов войдут сюда инославные, чтобы все проконтролировать. После этого двери Кувуклии запечатают восковой печатью. Ровно в полдень откроют Гроб Господень. Эта программа выполняется ежегодно перед началом чинопоследования Благодатного Огня.

Я внимательно следил за каждым движением старца. И когда ровно в 11 утра Гроб запечатали, в нем наступил полнейший мрак. Когда я осветил фонариком, то увидел на мраморной плите Гроба Господня св. Лампаду, и заметил, как некая невидимая рука зажгла ее, очевидно для того, чтобы от нее возгорелся Благодатный Огонь. Рядом с Лампадой лежала закрытая Книга, в которой были молитвы Последования Благодатного Огня, и вместо закладки нужная страница была заложена толстой свечой.

Я погасил свой фонарик, в тот момент моя душевная борьба дошла до крайних пределов, и я начал горячо молиться Господу: "Господи, Боже мой! Ты знаешь, почему я пришел к такому решению, и вот теперь я нахожусь на этом месте. Все это произошло по причине моих сомнений и слабой веры. Вспомни избранного, любимого Тобою апостола. Он не хотел поверить в Твое Воскресение, когда все другие апостолы уверяли его в этом. Он захотел сам увидеть Тебя и вложить персты свои в рану Твою, чтобы удостовериться самому. Я же еще более слаб в вере нежели Твой ученик, я захотел увидеть своими глазами, что здесь происходит. Ты Господи, знаешь какова вера моя. Тебе введома любовь моя, ибо для Тебя нет ничего неведомого. Сподоби меня, Господи мой и Боже, увидеть, что здесь происходит, для того чтобы укрепилась колеблемая вера моя. Ведь и ученики Твои говорили Тебе то же самое, они умоляли Тебя: "умножь в нас веру". (Лк. 17, 5). Они настойчиво требовали от Тебя

умножения веры, хотя сами были свидетелями стольких сверхъестественных чудес, совершенных Тобою".

Когда я закончил свою молитву, то снова включил свой фонарик и осветил им Гроб Господень. Луч его упал как раз на свечу. Ах, уж эта свеча! Зачем тут она? В ту же минуту я увидел, что дверь Гроба открылась. Я бросил быстрый взгляд на свои часы, было ровно 12 часов дня. Я страшно волновался. Сердце мое билось с такой силой, словно оно готово было выскочить из моей груди.

Вдруг я почувствовал сильное, угрожающее сжатие в нем и мне показалось, что я вот-вот упаду в обморок. Все же собрав последние свои силы, я постарался взять себя в руки. В это время я услышал тихие шаги в приделе Ангела, затем показался силуэт Патриарха, он низко склонился, чтобы приблизиться к Живоносному Гробу. В ту минуту душевное мое волнение перешло все границы, и вдруг среди мертвой тишины, когда я едва мог слышать собственное дыхание, мне послышался какой-то трепетный, едва уловимый шелест. Он был похож на тонкое дыхание ветра. И сразу же после этого я увидел голубой Свет, который заполнил все внутреннее пространство Живоносного Гроба.

О, какое же это было незабываемое зрелище! Я видел, как этот Свет кружился, наподобие сильного вихря или бури. Это вихреобразное кружение Света было столь сильным, что, казалось, могло бы своим стремительным натиском вырвать с корнем толстые деревья. Сколько силы было в голубом Свете! И вот в этом Благодатном Свете я ясно увидел лицо Патриарха. По его щекам текли крупные слезы. Стоя на коленях пред Гробом, Патриарх протянул свою руку и открыл Книгу на той странице, которая была заложена толстой свечой. Между тем он положил на мраморную плиту Гроба четыре пучка белых свечей, в каждом из которых было по 33 свечи, и начал читать молитвы. Чтение продолжалось до той секунды, пока не появился таинственный Благодатный Огонь.

Пока Патриарх читал молитвы, голубой Свет снова пришел в состояние сильного движения. Вращение Света происходило с необыкновенной быстротой и силой. Вначале Свет был голубым, затем он вдруг стал белым. Подобное сему явление Света было описано Евангелистом в момент Преображения Христа Спасителя. Вскоре Свет приобрел округлую форму и в виде нимба встал неподвижно над головой Патриарха. Вслед за этим я увидел, как Блаженнейший Патриарх взял в свои руки пучки из 33 свечей, поднял их высоко над собою и стал молить Бога о ниспослании Благодатного Огня, очень медленно простирая свои руки к небу. Едва успел он поднять их до уровня головы, как вдруг в мгновение ока в его руках зажглись все четыре пучка свечей, словно их приблизили к пылающей печи. В ту же секунду исчез тот нимб из Света, который был над его головой. Он исчез так быстро и неожиданно, что я не успел этого заметить.

От охватившей меня радости и волнения из глаз моих потекли слезы. Все мое тело горело, и у меня было такое ощущение, что я нахожусь среди пламени огня, исходящего из раскаленной печи. Пот градом лился с головы до ног. Мне казалось, еще немного, и я умру.

А Блаженнейший Патриарх, преисполненный чувствами пасхальной радости и счастья, стал выходить из Гроба Господня. Он сделал несколько шагов назад, оставаясь лицом к Гробу, и встал в приделе Ангела, держа в руках Благодатный Огонь. Пучки из тридцати трех свечей, горевшие в его руках, свидетельствовали о небесной радости. Один пучок свечей Патриарх подал армянскому священнослужителю, терпеливо ожидавшему его выхода. Затем Патриарх повернулся направо - туда, где имеется маленькое отверстие в Кувуклии, и через него передал Благодатный Огонь православному архиерею, также поджидавшему его здесь. После этого верующие подняли Патриарха на свои плечи и внесли его в алтарь Храма Воскресения. Сразу

же после появления Благодатного Огня весь народ начал воссылать торжественные, радостные гимны и благодарственные песнопения Воскресшему Христу. С колокольни Храма Воскресения раздался праздничный трезвон. Я решил воспользоваться той минутой, когда толпа была объята радостью, получив Благодатный огонь. В Храме стоял невообразимый шум и гам. Теперь я мог спокойно выйти из моей засады. Не теряя времени, я спрыгнул, взял с Гроба Господня Лампаду, Книгу и Свечу, служившую закладкой, и сразу же направился к отцу Анатолию. Удивленный моим неожиданным появлением, он спросил:

- Как ты тут оказался?

- Разве Вы меня не заметили, батюшка? Я стоял здесь рядом с Вами. Я Вам обещал вернуться во время, вот я и выполнил свое обещание.

Как мне вам описать Пасху, которую я пережил в 1926 году? Насколько глубока была моя печаль на Пасху в минувшем году, настолько сильна была радость моя теперь. Насколько колебалась моя вера в Великую Субботу в прошедшем году, настолько окрепла и ожила она во мне теперь. И я чувствовал, как всего меня охватывала несказанная радость, и все мое существо было переполнено посещением Святого Духа, ибо я не сомневался, что сподобился увидеть Его присутствие.

Душа моя перенеслась в Сионскую горницу, туда, где были собраны ученики Господа в ожидании ниспослания Духа Святого, обещанного им Христом. Я не мог ни о чем другом думать, ибо священный трепет объял меня всего. Перед моим духовным взором снова пронеслись молниеносные движения и метаморфозы того сверхъестественного голубого Света. Я как бы заново переживал его живое присутствие, вспоминая, как он заполнил собою Кувуклию, снова и снова созерцая его дивный Свет, озаривший внутреннее пространство Кувуклии, дивился его мгновенному изменению и превращению в сияние, ярче солнца в летний день.

И я снова духом возвращался в Сионскую горницу к ученикам Христовым и приводил себе на ум их беспредельное спокойствие и терпеливое ожидание. Вдруг я начинал слышать то дыхание и тот шум, который был подобен "дыханию бурну". И я говорил себе, вероятно, тогда случилось нечто большее того, что я сподобился услышать и увидеть здесь, в Кувуклии. Сейчас мне Горницу Сионскую заменила Кувуклия. Там Свет явился в виде огненных языков, здесь же в виде Благодатного Огня. Там он явился лишь ученикам Христовым, а здесь Благодать посетила всех верующих. Прошло довольно много времени, а я все никак не мог забыть то Небесное видение. Душу мою не покидала неизреченная радость, и я повторял слова благодарности: "Слава Тебе, Боже!".

Иногда я предавался размышлениям о долготерпении Божиим и говорил: "Как Он мог терпеть, видя меня сомневающимся? Как я мог настойчиво требовать от Бога увидеть, чтобы уверовать?" Снова и снова я размышлял о бездне Его любви, о том, что Он уступил, пошел навстречу желанию моей души и даровал мне то, чего так жаждала душа моя!

Другие люди тоже видели Благодатный Огонь в Великую Субботу. Многие и теперь сподобляются его видеть, но видят его все по-разному. Каждому по вере его дается сие небесное видение. Одни видят Благодатный Огонь в виде огня подобно молнии. Другие видят Кувуклию, в виде печи огненной, охваченной пламенем огня. Иные видят Святой Огонь в виде яркой светлой звезды, которая спускается сверху на Кувуклию.

Приходят в Храм Гроба Господня также и неверующие люди, но и они сподобляются видеть Благодатный Огонь. Эти добрые люди еще не поняли, что все в жизни зависит от веры.

Угрызения совести

Казалось бы, можно было ожидать, что эта радость и все те душевные чувства, которые были во мне, сохранятся в последующей жизни, - продолжал рассказ о. Митрофан, - что я буду спокойно продолжать свой жизненный путь и никому никогда не скажу о том, что я видел и какую радость испытал.

Однако, буквально через несколько дней радость моя сменилась глубокой печалью. Я почувствовал сильные угрызения совести, меланхолия и тоска внезапно напали на меня, и я впал в крайнее уныние. Печаль моя была так сильна, что все старания мои бороться с нею были безуспешны. Она будто хотела вырвать из меня навсегда неопишемую радость того дня. В голове пронеслись самые мрачные мысли, не дававшие мне покоя и вызывавшие душевные муки. Угрызения совести становились все сильнее и окончательно лишили меня душевного мира.

"Что я натворил, - говорил я себе, - Как я дерзнул совершить такое дело? Разве это не великий грех непослушания? К какой только лжи я не прибегаю, чтобы достигнуть своей цели! Разве же это не преступление?"

- Да, ты совершил страшный грех, - послышался во мне, чей то голос.

- Что же мне теперь делать?

- Ты должен исповедываться, - раздался во мне властный голос. - Ты должен немедленно пойти и рассказать все самому Патриарху". И я на это решился. Однако меня охватил такой жуткий страх, что он преградил мне путь к покаянию.

Эти чувства внутренней борьбы совершенно изгладили все черты радости на моем лице. Где бы я ни находился, чем бы ни занимался, горькие слезы всегда текли по нему. Так я продолжал бороться сам с собой в течение сорока дней, всячески стараясь преодолеть в себе трусость, не допуская меня к исповеди. Ежедневно я подходил к двери Блаженнейшего Патриарха, но не смел постучаться в нее, ибо каждый раз страх побеждал и выталкивал меня назад, преграждая мне путь к покаянию.

Монахи, очевидно, заметили мое беспокойство. Тоска, уныние и постоянные слезы выдавали мое душевное состояние. Каждый из братии старался узнать, что со мной случилось. Они подходили ко мне, чтобы спросить о причине, вызвавшей такую печаль. Когда они догадались, что со мной творится что-то неладное, то посоветовали пойти на исповедь. А я твердил лишь одно, что должен исповедываться у самого Патриарха. Братия же указывали мне на подходящего духовника, но я упорно настаивал на своем, и говорил, что мне необходимо исповедываться у самого Патриарха.

О моем состоянии вскоре стало известно Блаженнейшему, и когда он узнал от других лиц, что я хочу его посетить, сразу же просил передать мне, что готов меня принять. Для меня это было большим утешением. Теперь мне оставалось только решиться самому и дерзнуть приступить к нему. Я понимал, что должен положить конец охватившей меня печали, поэтому, теперь уже не откладывая, я отправился к нему.

С великим страхом и волнением подходил я к Патриаршим покоям. Я не знал, что я там встречу. Сердце мое билось в страшной тревоге. Ноги мои дрожали. Я нерешительно поднял руку, чтобы постучаться в приемную. Наконец мне удалось победить в себе чувство страха, толкавшее меня бежать в последнюю минуту. Как только я увидел Святого Старца, упал пред

ним на колени и начал горько рыдать. У меня не было сил открыть рта, чтобы что-то произнести.

- Подойди сюда, чадо мое, - ласково обратился ко мне Патриарх. - Зачем столько слез? Что ты сделал? Человека убил? Подойди сюда. Исповедь и искреннее покаяние все прощает. Христос распялся ради грешников. Он принес Себя в жертву, дабы сподобились войти в Его Царство не только праведные, но и кающиеся грешники. Велико Таинство - покаяние... Услыхав эти слова утешения, "что исповедь и искреннее покаяние все прощает", я вдруг ощутил в себе мужество и тяжесть, давившая душу мою, спала сама собой. Я встал и сказал: "Отче Святой, мне было бы в тысячу раз легче, если бы я убил человека, нежели то, что я совершил!" Услыхав эти слова, Патриарх с волнением спросил.

- Что же это такое, что ты сделал, чадо мое, и зачем ты столько времени заставляешь меня волноваться? Говори... Исповедуйся, облегчи свою душу и совесть.

Когда о. Митрофан рассказывал нам всю эту историю, у нас невольно сложилось впечатление, что он исповедуется во второй раз, так как, очевидно, он мысленно перенесся в тот самый день и час своей драматической встречи с Блаженнейшим Патриархом. Продолжая откровенный с нами разговор, он сказал:

- Итак, я подошел поближе к Патриарху. Откуда-то появились мужество и силы. Я поклонился, поцеловал руку Предстоятеля Церкви и начал свою исповедь. "Отче Святой. Я попытаюсь рассказать Вам и вновь пережить Последование Благодатного Огня. Я говорю о Великой Субботе прошлого года 1926. Весь прошлый год до самой Великой Субботы был для меня годом страшной внутренней борьбы. Во мне боролись чувства веры и неверия. Я не хотел, я не мог поверить также как и большинство людей, что внутри Живоносного Гроба Господня Бог совершает чудо Благодатного Огня. Я считал, что это сверхъестественное чудо является "обманом", "сговором", используемым для того, чтобы произвести впечатление на толпу. Вот почему я решил убедиться во всем сам, увидеть своими глазами, что же происходит в Великую Субботу внутри Кувуклии? Таким образом, я отважился на дерзкий поступок и решил привести в исполнение опасный план. Сколько труда и сил приложил я для того, чтобы выполнить его. Когда же мне удалось преодолеть трудности и устранить все препятствия, я спрятался внутри Гроба Господня в Великую Субботу. Но никто, абсолютно никто не знает об этом..." Когда Патриарх услышал мой рассказ, он очень удивился. Лицо его вдруг изменилось, в глазах выразилось невероятное беспокойство. Он резко встал со своего трона, с уст его сорвался какой-то страшный звук и изменившимся голосом он сказал:

- Как ты посмел совершить такое, чадо мое?

- Чтобы разрешить мои сомнения, - ответил я. - Дабы изгнать из души моей неверие, Святой Владыко.

Увидев необъяснимое мое спокойствие, Блаженнейший и сам успокоился, и, пододвинув свой трон, сел.

В эту минуту в моем воображении возникла картина бурного моря. Как волнующееся море вызывает страх и ужас, так и я испытывал подобный страх теперь, стоя на коленях пред лицом Блаженнейшего Старца Патриарха. Однако когда море успокаивается, тогда на всей его поверхности царит беспредельный покой. Такой же точно покой, тишина и кротость отразились на лице Патриарха. И он голосом, полным недоумения и, вместе с тем, преисполненным отеческой нежности и любви, спросил меня:

- Где же ты мог спрятаться внутри Гроба Господня, ведь там нет такого места, где бы можно было укрыться?

- Отче Святый, мне удалось спрятаться в крипте, которую я обнаружил. Вы, вероятно, помните, какая суматоха возникла, когда надо было промыть Кувуклию внутри. Я тогда взял на себя эту трудную работу и приложил много усилий, чтобы довести ее до конца. Тогда-то я и обнаружил эту крипту. В ней мог поместиться только один человек, да и то весьма худой. Итак, встав боком в крипту, я простоял в ней с полуночи Великой Пятницы до полудня Великой Субботы, стараясь не упасть. Место это никому не известно. Только я знал о нем. Я взял с собой лишь немного воды и маленький фонарик. Время от времени я его включал. Мне хотелось узнать, зачем нужна Свеча в той Книге Последования Великой Субботы. В какой то момент, сам того не желая, я весь, затрясся от страха и нажал на кнопку фонаря. Молниеносно быстрый свет осветил Святой Гроб. Вы его заметили, я это знаю.

- Да, дитя мое, да! Я заметил и на меня напал страх. Конечно, я сообщил об этом на заседание Синода.

- Вот почему, отче Святый, я хотел Вам рассказать обо всем том, что я натворил, я хотел Вам рассказать все это на исповеди. Я не мог больше выдерживать угрызений совести.

- А после того что ты видел, чадо мое? - спросил меня Патриарх. Я стал ему описывать во всех подробностях, что я видел. Святой Патриарх начал часто креститься и славить Бога. И со слезами на глазах он мне сказал:

- Я абсолютно ничего не видел, чадо мое. То, о чем я тебе сообщу, никогда никому ничего не говори до тех пор, пока я не умру. Когда я Благодатью Божией сподобляюсь получать Благодатный Огонь у Гроба Воскресшего Господа, со мной случается следующее. Если совесть моя спокойна и ничто не нарушает мой душевный мир, тогда я спокойно приступаю к сему жертвенному служению Богу, и меня охватывает неизреченная радость. И как только я войду внутрь Живоносного Гроба, открываю Св. Книгу и прочтя несколько строк положенной молитвы, я поднимаю пучки свечей. В ту самую минуту сами по себе возгораются Св. Лампада и свечи в моих руках. Если же душа моя неподготовлена должным образом и я не чувствую мира душевного, тогда я не ощущаю той необъяснимой радости. Тогда, как только я склонюсь, чтобы войти внутрь Гроба, я вижу, что Лампада уже зажжена. Итак, иди, чадо мое, я благословляю тебя. Бог, удостоивший тебя увидеть Благодатный Огонь, да будет всегда с тобою.

Он прочел надо мной разрешительную молитву, а я, поцеловав его руку, медленно встал с колен, и тихо вышел. С тех пор я ощутил в душе моей мир и покой, и стал с еще большей ревностью и жертвенностью исполнять свое послушание, ежедневно благодаря и славя Бога.

Попытка повторения

Время шло. Незаметно проходили годы. После исповеди в моей памяти долго хранилось это видение Благодатного Огня, и никто не знал об этой тайне, кроме святого Старца Патриарха и меня. Ведь тайну исповеди должно хранить, и теперь я мог быть совершенно спокоен, зная, что никто никогда не узнает о моем поступке. В следующем, 1927 году у моего старца о. Анатолия стали появляться первые признаки приближающейся смерти. Известно, что при наступлении старости появляется усталость во всем теле. При всем том лицо его сохраняло обычное спокойствие, и он был уверен в том, что я буду достойным продолжателем его высокой миссии. Он спокойно встречал конец своей земной жизни, удостоившись послужить Богу на Святых Местах и усердно потрудившись во славу Божию. Постепенно силы его стали покидать, дожив

до глубокой старости, он с миром отошел ко Господу, к Тому, Кто каждому воздает по делам его.

Много благодатных случаев происходило в моей повседневной жизни. Ежегодно я наслаждался радостью Воскресения Христова и всем теми торжествами и праздниками, которые совершаются у Гроба Господня. И все же мне иногда хотелось вновь стать свидетелем явления Благодатного Огня, которого я сподобился по милости Божией увидеть в ту незабываемую Великую Субботу 1926 года. Всякий раз, когда приближалась Великая Суббота, я вновь испытывал то сверхъестественное, таинственное состояние, которое я тогда пережил и которым так несказанно утешился. Мне страстно хотелось еще раз увидеть хотя бы самый маленький лучик Божественного Света, увиденного мною тогда, однако никогда больше я этого не сподобился, и видел только, как передавали Благодатный Огонь толпам верующего народа Божия.

Мне приходилось наблюдать как православного Патриарха или Архиерея, верующие люди несли на своих плечах, и как он входил с Благодатным Огнем в алтарь Храма Воскресения. Я изучил песни арабской молодежи из Вифлеема. Православная арабская молодежь из рода в род хранит следующий обычай: молодые люди становятся на плечи друг другу, образуя, как бы пирамиду. При этом одни поют песнопения, другие каким-то особым свистом сопровождают слова песни:

"Здесь Огонь, Здесь Истина и Жизнь"

Со священным вдохновением поют они свои хвалебные гимны Благодатному Огню. В этих гимнах и по сей день хранится древнее народное предание. И в этом море радости слышится бесконечно повторяющийся стих:

"Христос - наш,
Он родился в нашей деревне".

Эти слова повторял за ними и я, видя, как все вокруг внезапно изменяется при появлении Благодатного Огня. Припоминая увиденное мною, я всякий раз переживал все это заново, и тогда из глубины моего сердца лились слова благодарности Богу: "Слава Тебе, Боже, слава Тебе".

Прошло целых пять лет с того 1926 года, и за все эти годы я никому ничего не говорил о том, что видел сверху, скрывшись в крипте. Кроме моего духовника - святого Старца Патриарха, никто ничего не знал. Однако мне страстно хотелось еще раз увидеть все это.

Все обязанности по наблюдению за службой Благодатного Огня, по-прежнему лежали на мне. И вот в 1931 году я решил еще раз забраться в крипту Кувуклии, чтобы снова пережить радость видения Благодатного Огня.

Все шло прекрасно при соблюдении полной тайны. Мне, как и в первый раз, сопутствовал успех. И вот когда наступила та священная минута, и Патриарх вошел внутрь Кувуклии, мой взгляд невольно отвлекся, я посмотрел куда-то в другую сторону. Когда же я опомнился и продолжил свои наблюдения, я увидел, что Св. Лампада уже горела и свечи тоже возгорелись в руках Патриарха.

И я сказал себе: "Слишком много ты хочешь. Бог - не человек, чтобы идти навстречу всем прихотям, сомнениям и желаниям каждого маловерного. Он тебя и так удовлетворил сверх всякой меры. Тогда, когда ты требовал от Бога чуда и искал, чем бы тебе заполнить твою пустоту, образовавшуюся от твоего неверия, Он тебя послушал. Так что не искушай Господа.

Если же ты снова хочешь насладиться тем самым блаженством, борись и моли Бога, дабы унаследовать тебе Царство Небесное. Там ты узришь не верою, а лицом к лицу Небесную Благодать Святого Огня. Избранники Царствия Божия узрят Самого Господа лицом к лицу. Они увидят Источник Благодатного Огня. В этом земном мире преобладает вера. Живи верою, ею существуй и ею двигайся. Давай, выходи отсюда и прекрати свои опасные и бесплодные дела".

Еще один Фома

Вот с такими-то мыслями, - продолжал о. Митрофан, - я и жил до сего времени, а теперь рассказываю вам о том, что я сподобился увидеть и чем насладиться. Все это я глубоко хранил в своей душе, как свое личное достояние, не делая никого участником, сей Благодати Божией. Тайна исповеди запечатлела неизреченное видение, которого я тогда сподобился, и сия Божественная Тайна хранилась мною долгие годы - с 1926 по 1938 год.

1938 год - исторический для Иерусалимской Патриархии. Первая среди православных церквей кафедра лишилась своего пастыря, духовно окормлявшего Церковь Христову. Блаженнейший Старец Патриарх Иерусалимский Дамиан I - мой духовник - отошел ко Господу. После его кончины я почувствовал себя свободным, то есть я освободился от уз, которыми связал меня Патриарх на исповеди, сказав: "То, что я тебе доверю, ты никогда никому ничего не рассказывай до тех пор, пока я не умру". Со дня его кончины я начал рассказывать о том, чему свидетелем был сам. Всякий раз, когда мне только представлялась возможность, и я полагал, что смогу содействовать вере моих слушателей, то я им рассказывал обо всем увиденном мною в Кувуклии Гроба Господня.

Кроме того, я думал, что все эти сомнения, недоумения, как и желание проникнуть в сию загадочную тайну, возникали не только у меня. Думается, что у большинства людей должны возникать те же беспокойные вопросы, которые мучили в свое время меня. Тайна не может не вызывать недоумений, а сомнения разрешаются верою. У Фомы существуют братья. Это те люди, которые хотят "увидеть, чтобы уверовать". И вот такой человек, т.е. Фома неверный, появился вновь. На сей раз Фомою оказался некий монах - абиссинец. Он жил на Святой Земле. Имя его мне неизвестно, но лицо и весь его внешний вид запечатлелся в моей памяти. Этот человек в течение тридцати лет мучился тайной появления Благодатного Огня. У него было страстное желание увидеть, что совершается во время Последования Благодатного ОГНЯ в Великую Субботу, и он годами молился, и просил Бога об этом, строя, при этом самые опасные планы, которые оставались невыполнимыми. Он приложил много усилий и стараний, чтобы разгадать тайну Благодатного Огня, и, однако, абсолютно ничего у него не получалось. Нелегко было ему остаться в Кувуклии незамеченным при неусыпных взорах ответственных лиц и стражей Гроба Господня. Однако он не только горячо желал, но и верил, что рано или поздно, его мечта должна будет осуществиться.

В 1960 году ответственным за получение Благодатного Огня был Архиепископ Афинагор, Наместник Иерусалимского Патриарха. Тогда, очевидно, по Божьему промыслу, этот монах-абиссинец, воспользовавшись обычной суматохой, смог незаметно войти в Кувуклию, оставшись там, в крохотном пространстве придела Ангела. Темный цвет его лица делал его совершенно незаметным. Он слился во едино с темнотой, царившей внутри Кувуклии. Забравшись в закругленный угол, он стоял там неподвижно. Никто из еретиков, проверявших Кувуклию, не заметил его присутствия. Его увидели только тогда, когда православный Архиерей получил Благодатный Огонь и стал передавать его армянскому епископу. Вслед за ним по праву преимущества вошел католический священнослужитель, вот тогда-то и был обнаружен нежеланный посетитель.

Мечь их к этому несчастному монаху была беспощадна. Они, прежде всего, опасались за свои права и не собирались даже задавать ему вопросов, как и почему он оказался здесь. Без всякого расследования, они просто набросились на несчастного, жестоко избивая кулаками. Затем несчастного вышвырнули вон из Кувуклии. При этом избиении абиссинский монах оставался совершенно спокойным, кротко терпя побои и унижения, и это делало его похожим на христианского мученика. Он пребывал в каком-то удивительном состоянии, на его лице отражалось присутствие Божией Благодати, и он произносил следующие слова: "Бейте меня, сколько хотите! Убейте меня, но я увидел, наконец, то чего так страстно желал и ждал в течение тридцати лет. Я видел православного Архиерея в пламени огня. Я видел, как из уст его исходило огненное пламя. Я видел, как вся Кувуклия была объята пламенем огня и была похожа на пещь огненную. О, как я счастлив теперь! И, если даже я умру сию минуту, то погружусь в море Божией Благодати, ибо я уже был в преддверии Царства Небесного".

Святость Гроба Господня, - продолжал, о. Митрофан, - хранится большими усилиями и трудами, порой даже требуется пролитие мученической крови. О паломничествах по Святым Местам можно было бы написать множество историй и рассказать о происходящих здесь самых невероятных событиях.

На страже Святых Мест

Большинство людей не знает, - добавил ко всему сказанному о. Митрофан, - каких трудов и жертв стоит порой сохранение Святых Мест. Христиане слышат о Гробе Господнем, но никто из них не подозревает, как эти Святыни сохраняются. Ведь границы, за которые все борются, измеряются в сантиметрах.

Если Страж будет беспечен, то малейшего упущения вполне достаточно, чтобы еретики им воспользовались. Они только и ждут подходящего момента, чтобы предъявить свои права на Святых Местах, ибо мечтают об одном - как бы отнять их у православных и установить свое господство. Достаточно невзначай упасть одной какой-нибудь лампаде, как еретики тут же бросаются, чтобы установить ее на прежнее место и таким образом заявить о своих правах.

Если еретик успеет почистить несколько сантиметров в Храме Гроба Господня, будучи никем незамеченным, то он уже считает себя обладателем этого пространства. Даже оседающая пыль используется ими для присвоения Святыни. Если их рука протрет пыль за пределами границы, то они станут утверждать, будто уже месяцами проводят здесь уборку... И все это делается ими с одной лишь целью - захватить Святые Места.

Это лишь малая часть постоянной борьбы, которая происходит ежедневно на Святых Местах. Если бы не было мучеников православия и неусыпных стражей Гроба Господня в лице Святогробского Братства, то мы должны были бы платить "выкуп" для того, чтобы поклониться Святым Местам.

Новомученик

Одним из последних мучеников, пролившим мученическую кровь за свою любовь ко Христу, был отец Филумен. Он был неусыпным стражем Святого места, неся послушание у колодца Иакова в Самарии. На сем святом месте он подвергся мученической смерти от "неизвестных". Подлая, мучительная смерть о. Филумена взбудоражила всю греческую диаспору во всем мире. Православные христиане греческой общины в Лондоне издали специальную книжку в свидетельство о памяти сего мученика. В ней пишется следующее.

"Одним из последних мучеников за Христа является о. Филумен. Он был православным клириком, родился в Левкосии 15 октября 1913 года. У него был брат близнец, о. Элпидий, который подвизался на Святой Горе Афон. Оба брата посвятили свою жизнь Христу с четырнадцатилетнего возраста. О. Филумен был зачислен в Святогробское Братство в 1934 году.

В древнем городе Сихар в Самарии, ниже горы Гаризим, ныне находится город Неаполис (Наблус). Здесь находится колодец Иакова, который стал известен благодаря знаменитой беседе Христа с Самарянкой (Ин.4, 1-42).

29 ноября 1979 года "неизвестные" вечером напали на святое место, схватили доброго старца, с ненавистью бросились на него и подвергли его зверским пыткам. На его глазах они ворвались в Храм и в алтаре осквернили запрестольный Крест и Дароносицу, стоявшую на Св. Престоле. Тем временем самого его связали епитрахилью и топором вырубили на голове новомученика знак креста. Вырвали один глаз и били по второму глазу. Разбили нижнюю челюсть вместе с зубами и отрубили пальцы правой руки. Топором рубили левую ногу. И перед тем как убежать, они бросили ручную бомбу, которая разрушила все на этом святом месте. Полиция была извещена сторожем этого святого места на следующий день утром. До сих пор неизвестно, сколько было убийц.

Патриарх послал своих представителей на место убиения, но им не было дано разрешения помолиться возле святых останков мученика, и только через шесть дней его обнаженное тело было передано им.

Погребение было совершено в храме Св. Феклы Святогробской братией. Похоронен он был на Сионском кладбище вместе с другой почившей братией".

К святым молитвам мучеников, защитников и хранителей православия на Святых Местах присоединяем и мы свои молитвы: "Господи, Ты, Который родился, распялся, умер, яко человек, был погребен и воскрес из мертвых ради нашего спасения, Христос истинный Бога наш, сохрани и укрепи верных и безвестных стражей Святых Твоих мест во славу Святого Имени Твоего".

Свидетельства о Благодатном Огне

Со дня Воскресения Христова даже и доныне не прекращаются разделения между людьми, и они будут продолжаться до скончания века. Народы разделились на два противоположных лагеря в отношении к Божественной Личности Господа нашего Иисуса Христа. Одни являются Его последователями и учениками, другие сделались Его врагами. Одни верят в Его Божественное пришествие на землю, другие же сомневаются в Его снисхождении к людям и не верят в то, что Он пришел на землю, дабы спасти весь род человеческий.

Можно ожидать, что такое же разделение произойдет и с читателями данной книги. Мы не исключаем того, что некоторые из них подвергнут сомнению рассказ о. Митрофана. Что же касается верующих, то они не имеют нужды в доказательствах своей веры, однако мы считаем, что этот рассказ принесет им некую духовную пользу, так как он укрепит их веру и согреет их сердца любовью к Воскресшему Христу. У теплохладных в вере, у сомневающихся и неверующих откровенный рассказ о. Митрофана, скорее всего, не устранил сомнений. А для ищущих доказательств от разума даже самые бесспорные и неоспоримые свидетельства и факты покажутся неубедительными.

Но все же приведем несколько подобных фактов.

Слева от входа в Храм Воскресения Христова находится колонна с трещиной посередине. Она служит убедительным свидетельством того, что на этом месте когда-то произошло чудо. В 1517 году при Салиме II армяне задумали лишить православных Благодатного Огня, изгнав их из Храма. Тогда на глазах у всех совершилось чудо. Колонна треснула, и из образовавшейся в ней щели появился Благодатный Огонь. Это событие не могли отрицать даже самые непримиримые враги Православия.

Однако неверующий станет рассуждать по своему разуму: "Колонна действительно треснута и черна от дыма, но возможно ли, чтобы от Святого Огня исходил черный дым?"

Бог Всемогущ, а человеку не дано знать советы Божии или постичь Его цели. Бог есть Огонь и Жизнь. Он есть Животворящая Сила. И эту силу Своею Он просвещает и хранит жизнь всякой твари. Светом и Источником жизни является не только Бог Отец (Иак. 1,17). Свет есть и Сын (Ин. 8, 12). Свет есть и Дух Святой, и апостол Павел призывает верующих "ходить во Свете Духа Святого" (Эф. 5, 9). Известно, что Бог Отец являлся не только в виде Огня или в Светлом Облаке, но и в дыме огня. Когда Моисей поднялся на гору Синайскую, чтобы получить скрижали Завета, он услышал "громы и молнии и видел густое облако... Гора же Синай вся дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи..." (Исх. 19, 16-18). Бог не принимает от нас распоряжений, в каком виде Ему явиться. Бог свободен и все происходит по Его Божественной воле. Он и в Колонне Храма Воскресения явился "в огне и в дыме, как дым из печи" во свидетельство верным. На Синайской Горе все и по сей день покрыто черным дымом "от молний", озаривших то место. Почему же Колонне Святогробского Храма не быть закопченной дымом? Неверующий скажет: все это подстроено, чтобы легче было бы обманывать легковерных людей. Но "легковерных" не так уж и мало. К ним относятся миллионы верующих во всем мире. Они верят в Благодатный Огонь, как и верят в то, что из Колонны вышел Благодатный Огонь во свидетельство Истины Православия. Когда совершается служба Благодатного Огня в Великую Субботу, на ней присутствуют все иноверцы: армяне, католики, копты, сирийцы. По логике вещей невозможно предположить, чтобы они соучаствовали в "торговле" и в "обмане". Иноверцы с большим смирением в этот день подходят к Главе Православной Церкви. Они признают его, как представителя истинной православной веры и как Главу Иерусалимской Церкви, первым Епископом и основателем которой был Св. Иаков брат Божий.

Дух покорности выражается на их лицах. Они смиренно воздают Патриарху дань уважения и чести. Только при таких условиях они получают Благодатный Огонь из рук Патриарха. Стоя пред ним на коленях, они целуют его правую руку. Мы бы хотели задать вопрос: возможно ли, чтобы иноверцы покорились лжи? Веками они пребывают непоколебимыми в своих верованиях, так неужели же они покорятся "этим обманщикам, которые разыгрывают всю эту Божественную Комедию, для того чтобы обмануть каких-то 7 - 10 тысяч доверчивых паломников". Отрывок взят из книги одного современного писателя "Святые Места. Торговля верою и соучастие в обмане со Святым Огнем".

Очевидно, этому писателю ничего неизвестно об инославных. А он должен был бы знать, что они никогда не склонили свои выи пред догматическими расхождениями, имеющимися между нашими верованиями. Так неужели бы они покорились в этом единственном случае, если бы сами не удостоверились в истине Благодатного Огня?

Еще два факта свидетельствуют непреложную истину о Благодатном Огне: освидетельствование и контроль. И сами эти факты представитель неверующих, сомневающих и отрицающих все на свете, называет в своей книге "обрядом или странным зрелищем, какое только можно было бы вообразить..." Что же это за освидетельствование? Как уже говорилось, иноверцы самым тщательным образом проверяют буквально все внутри

Кувуклии, чтобы убедиться, нет ли на Гробе зажженной лампы или какого-нибудь другого зажженного предмета. Осмотрев Гроб Господень, они выходят оттуда, и начинают обыскивать Патриарха, стоящего у входа в Кувуклию. Они самым тщательным образом проверяют его с головы до ног, чтобы убедиться, не припрятано ли им какого предмета, из которого он мог бы извлечь огонь. Этот обыск происходит пред лицом всего присутствующего в этот день народа: пред послами, консулами, представителями наций, местными властями, пред представителями прессы и сотрудниками средств массовой информации. Кто же станет отрицать истины Благодатного Огня после всех этих мер, предпринятых иноверцами?

После всей этой самой скрупулезной проверки, Патриарх входит в Кувуклию, но он не входит туда один. Вместе с ним входит туда армянский священнослужитель и представитель монофизитской Церкви. Представитель инославной Церкви, словно современный электронный глаз, следит за каждым движением, за каждым шагом, за каждым жестом Патриарха. Вся эта процедура производится с одной лишь целью - уловить какое-нибудь подозрительное движение Патриарха. Он объявил бы о том, что Православие прибегает к лжи с целью обмануть народ. Подобные "перлы" мы, к сожалению, слышим теперь не из уст еретика, но из уст православного писателя К. Димопулоса.

В заключение надо вспомнить и о существовании многочисленных свидетельств очевидцев. Множество благочестивого народа сподобились видеть Благодатный Огонь. Каждый в меру своей веры видит совершаемое у Гроба Господня поразительное чудо. Возникает вопрос: неужели все эти люди, самых разных возрастов и национальностей, видят только иллюзии? Неужели это просто обман чувств? Или быть может, они все вдруг заодно согласились говорить неправду лишь для того, чтобы обмануть толпу? Всех этих людей писатель К. Димопулос называет "людьми с неустойчивой психикой, неуравновешенными, одержимыми ложными иллюзиями и ложными чувствами". Неужели только один г-н Димопулос вполне здоров, находится в здравом уме и настолько мудр, что берется судить о фактах веры с позиций логики?

Часто приходится слышать: почему столько людей удостоиваются видеть Благодатный Огонь, и почему каждый из них видит Его по-разному? Почему же не видит Его Патриарх или его Представитель? Неужели они недостойны видеть его? Или же нет у них веры?

Ответим на это: священник, совершающий таинство Евхаристии редко сподобляется видеть то, что он совершает. Ведь иначе он был бы объят таким страхом и трепетом, что лишился бы возможности совершать сие Таинство, пребывая в изумлении. Когда пророк Захария во время каждения в алтаре храма Божия увидел Архангела предстоящего рядом с Жертвенником, то от страха он лишился дара речи (Лк. 1, 8-22). Что бы случилось со священником, если бы он каждый раз видел совершаемое Таинство на Жертвеннике во время Проскомидии, и вообще, если бы он видел все Таинства? Он либо упал на землю замертво, либо превратился в соляной столп от сих страшных видений.

Второе справедливое недоумение может возникнуть у читателя данной книги относительно попытки о. Митрофана проникнуть внутрь Гроба Господня. Раз тогда ему удалось проникнуть в Кувуклию, то и теперь было бы легко кому-то скрыться в ней, чтобы соучаствовать вместе с Патриархом в обмане. Но соучастие в этом деле совсем не легкое дело. О. Митрофан вошел внутрь Гроба, испытав страшную агонию. Его попытка остаться в Кувуклии незамеченным стоила ему колоссального напряжения, превосходящего все человеческие силы. То опасное и чересчур смелое дело, на которое решился когда-то о. Митрофан, имело только одну цель - восполнить недостаток веры. Он решился на это не для того, чтобы быть соучастником в обмане. Как раз наоборот, он поступил так, чтобы увериться в истине. Он дерзнул на это как раз для того, чтобы раскрыть обман. А вместо обмана Бог сподобил его узреть Благодатный

Огонь, даровал ему благодать стать свидетелем истины и горячим проповедником этой неложной Истины Благодатного Огня.

Рассказ отца Митрофана порой заставляет православных рассматривать все подозрительные места в Св. Кувуклии, описанные им. Конечно, беда всему научит, а уроки не забываются.

Эпилог

Благороднейшие мечты и чаяния каждого благочестивого христианина осуществляются, когда он сподобляется побывать и поклониться Святым Местам. Когда верующий человек устаивается посетить Святые Места, исхоженные Божественными стопами Спасителя, тогда в сердце его возжигается, как огненное пламя, сильное желание снова и снова поклониться им.

В самом деле, кто бы мог объяснить причину этого? Мы не имеем в виду здесь тех людей, которые только из любопытства посещают Святые Места. Для таковых Животворящий Гроб Воскресшего Христа практически ничем не отличается от могил обыкновенных людей. Для них все недостойно упоминания, ничто не привлекает их внимания. Единственно, что их интересует - это так называемый "религиозный туризм".

По-другому смотрит на Святые Места предприниматель - человек выгоды. Он использует Святые Места совсем иначе. Для него они являются выгодными местами, которые можно эксплуатировать для извлечения большей прибыли. Он мечтает только об одном, как бы больше заработать на этом деле, и весьма сомнительно, чтобы такой человек хотя бы раз в жизни пошел поклониться Гробу Господню. Мы имеем в виду верующих, говорим о людях, живущих духовной жизнью, о благочестивых и сознательных христианах, которые, как жены Мироносицы, желают смиренно прикинуть и поклониться Гробу Господа, Распятого своего Учителя. Благочестивый, верующий христианин, сподобившись посетить Гроб Господень, слышит голос незримо присутствующего здесь Ангела: "Что ищите Живого с мертвыми? Его нет здесь. Он восстал. Се место, где положили Его". (Лк. 24, 5. Мк. 16, 6). Место, о котором говорит Ангел, является центром спасения человека. От Гроба Христова проистекают все благодатные харизмы, здесь щедро изливается милость Божия на каждого человека. У верующего христианина это самое дорогое, самое священное место какое только существует на нашей планете. У верующего это Святейшее место не вызывает ни проблем, ни сомнений, ни вопросов, ибо он верует, что Тот, кто был погребен здесь - воскрес, как Победитель смерти. И апостол Павел категорично заявляет: "если Христос не воскрес, то суетна вера наша" (1 Кор. 15, 17).

Вера благочестивых людей укрепляется Евангелием, учением о сверхъестественных чудесах Господа. Среди этих чудес имеет место и чудо о Благодатном Огне. Враги Православной Церкви, гонители и клеветники умалкают пред несомненной реальностью сего чуда, хотя они употребляют всевозможные меры, дабы очернить сверхъестественное явление Благодатного Огня. Но Он, несмотря на всех их ухищрения, появляется на Живоносном Гробе и просвещает всю вселенную, ибо верующие паломники увозят Благодатный Огонь как благословение Божие и стараются хранить Его в храмах и в жилищах.

Следует добавить, что не только Благодатный Огонь является единственным источником Божественной Благодати на Святых Местах, привлекающий толпы верующих людей со всей планеты. Присутствие Бога в Святых местах, жившего некогда под видом смиренного Учителя, ощущается здесь всюду. Его Присутствие освятило здесь все. Солнце, воздух, деревья, воды, землю, горы, долины, дороги и тропинки. Все здесь иное, все уникально на всем пространстве Святой Земли. Каждый кусочек земли может рассказать человеку о Христе, либо о том или

ином чуде, совершенным здесь Господом. Каждая пядь земли, - если бы только она могла заговорить, - возвестила бы слово Божественного Учителя всех времен, веков и народов. Благодатный Огонь, появляясь ежегодно, в один и тот же день, освящает всех верующих, прибывающих сюда со всех концов земли. Именно это и побуждает верующих снова и снова посещать Святые Места в Страстные Дни, горячо желать находиться там ежегодно. Ибо, когда они присутствуют на богослужениях Великой Седмицы, они делаются как бы соучастниками страданий Божественного Учителя. У паломников возникает горячее желание пройти по Крестному пути и подняться на Голгофу, дабы присутствовать там вместе с верным учеником Христа во время Его распятия. Затем, пережив душой Крестные страдания Иисуса, войти в Его Гроб вместе с Женами Мироносицами, дабы воздать дань любви Умершему и Погребенному здесь, и после печальных Страстных дней приобщиться радости Воскресшего Христа - Победителя смерти, ада и греха.

Да сподобит Воскресший Христос всех благочестивых читателей этой книги, с верою поклониться месту Его Рождества, Голгофе и Живоносному Его Гробу.